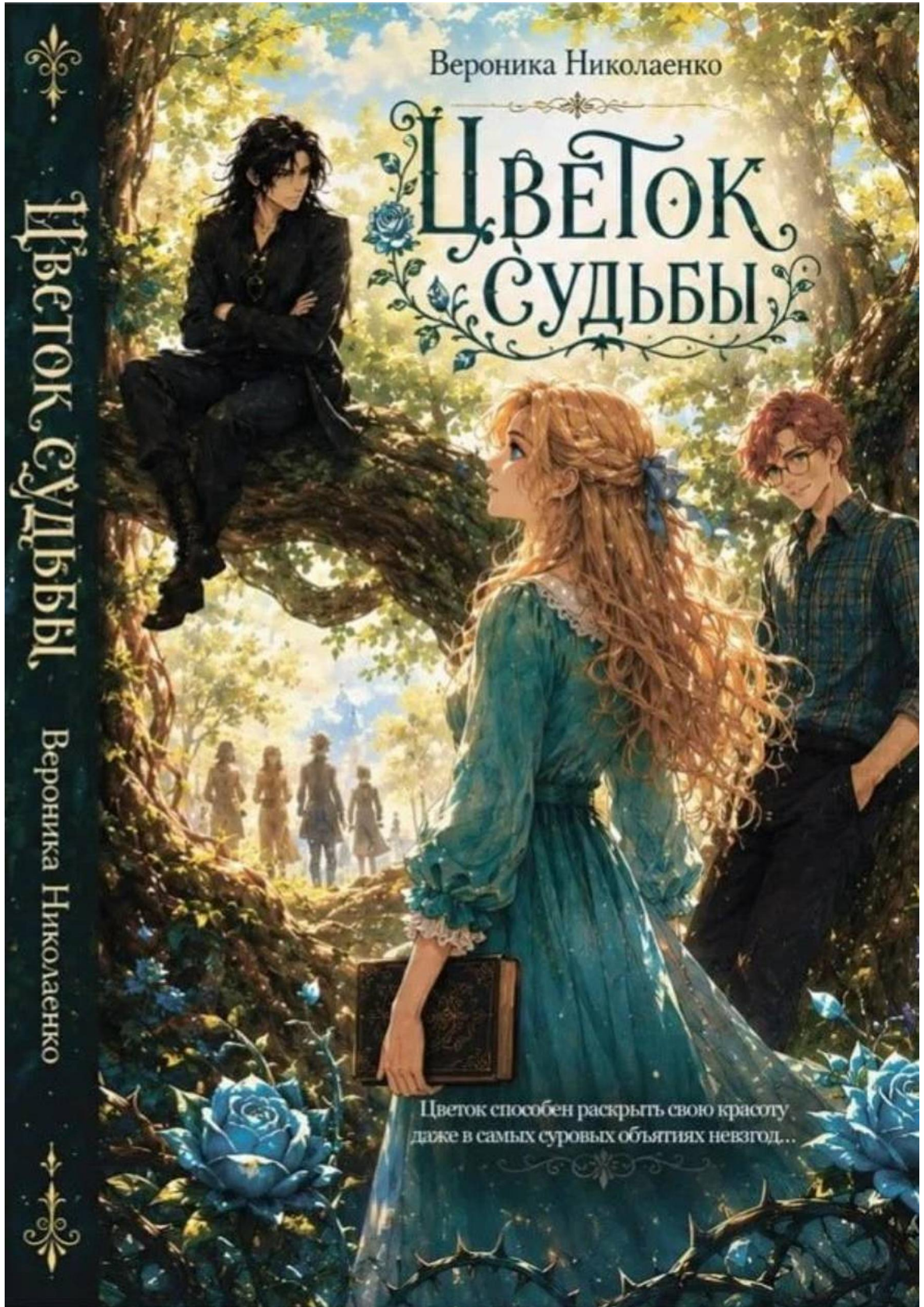

Вероника Николаенко
Цветок судьбы
Цветок способен раскрыть свою красоту
даже в самых суровых объятиях невзгод...
Цветок судьбы
Вероника Николаенко

Вероника Николаенко

ЦВЕТОК СУДЬБЫ

«Автор»
2026

Николаенко В. С.

ЦВЕТОК СУДЬБЫ / В. С. Николаенко — «Автор», 2026

Это история о двадцатилетней Цецилии, которая, выросшая в приюте, пытается начать новую жизнь в Петербурге. Она — студентка-журналистка, копит деньги и мечтает обрести семью. Её спокойная жизнь рушится после нападения преподавателя. Её спасает мрачный студент Целимир. Цецилия — не просто сирота. ДНК-тест подтверждает: она внучка влиятельного банкира и сестра Целимира. Её мать, Алиса, в плену у собственного мужа Кирилла в Китае. Он держит её, чтобы использовать в борьбе за семейный бизнес и из-за карточных долгов. За всем этим — старые обиды, гибель деда, скрытые письма и тайны взрослых.Цецилия разбирается не только в прошлом, но и в своих чувствах. Её привлекают добрый Ярослав, похожий на Чеширского кота, и загадочный Целимир, как ворон из «Малефисенты», готовый защищать её.

© Николаенко В. С., 2026
© Автор, 2026

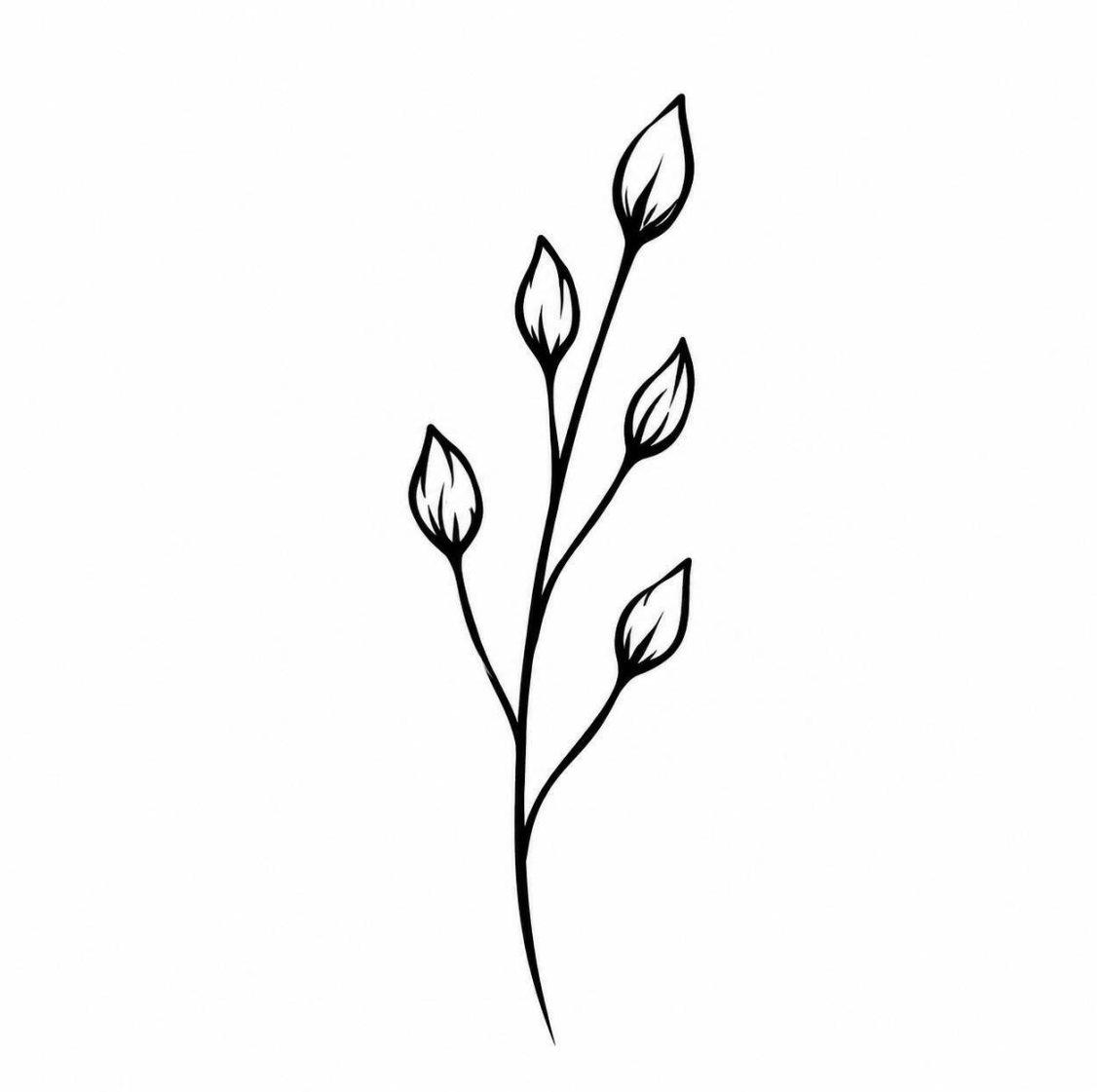
Содержание

Глава 1 6
Глава 1 7
«Мелодия утра» 7
Глава 2 14
«Неожиданная встреча» 14
Глава 3 19
«Приказ отца» 19
Глава 4 21
«А мятная сигаретка для старика найдётся?» 21
Глава 5 25
«Цена образования» 25
Глава 6 29
«Что с ним будет?» 29
Глава 7 32
«Странные совпадения» 32
Глава 8 35
«Тайны прошлого» 35
Глава 9 38
«Как я отнесусь к появлению родственников…» 38
Глава 10 41
«Дед и внук» 41
Глава 11 43
«Слёзы очищения» 43
Глава 12 45
«Чёртовы китайцы!» 45
Глава 13 49
«Властелин финансов и китайская тайна» 49
Конец ознакомительного фрагмента. 54

Вероника Николаенко
ЦВЕТОК СУДЬБЫ

Глава 1

ЦВЕТОК СУДЬБЫ
роман



Вероника Николаенко
Мариуполь — 2026

Глава 1

«Мелодия утра»

В сердце Санкт-Петербурга, на тихой Фурштатской улице центрального района, возвышался изысканный старинный дом, пропитанный дыханием минувших эпох. Этот пятиэтажный кирпичный особняк, возведённый в 1756 году по уникальному проекту, служил жилым пристанищем и, несмотря на почтенный возраст, сохранял первозданную грацию: регулярные реконструкции бережно охраняли его как жемчужину исторического наследия. В нём уютно разместились 34 квартиры, все обитаемые, полные повседневной суеты.

Из третьего подъезда вышел старик Тирский Николай Иванович — ему стукнуло восемьдесят один. В столь преклонные годы он подрабатывал почтальоном на родной улице, находя в этом простом труде радость и спасение от одиночества. Разносить письма было для него способом размяться, встряхнуть старые кости и не утонуть в тоске, запершись в четырёх стенах. Вот уже десять лет он жил один — с тех пор, как ушла его Лидия Александровна, жена, с которой они делили радости и невзгоды.

Лидия скончалась от рака лёгких в последней стадии, в шестьдесят девять лет. Болезнь подкралась незаметно, и когда её наконец распознали, было поздно: врачи лишь разводили руками, предлагая паллиативы, чтобы хоть немного отсрочить неизбежное. С момента диагноза они сулили ей от полугода до года, но Лидия, с присущей ей твёрдостью, отвергла лекарства. «Сколько суждено — столько и проживу», — сказала она просто и мудро. И вопреки всем прогнозам, одолела три года, борясь с недугом с достоинством. Ушла она легко, во сне, прошептав напоследок: «Я прожила счастливую жизнь благодаря тебе, мой дорогой Николай». С этими словами она закрыла глаза и уснула навечно, оставив в сердце мужа вечный свет.

С той поры Николай остался один. Раз в месяц его навещал младший сын Ярослав, которому теперь было двадцать девять. У Николая имелись ещё две дочери: старшая Елена и средняя Нина. Каждая из них давно обзавелась семьёй и покинула отчий дом, редко заглядывая к старику-отцу. Елена особенно отдалилась: выйдя замуж за Маркоса, она улетела с ним в Испанию, где у них свой уютный дом и двое сынишек — Максимо и Маркос-младший. Николай так и не увидел внуков наяву, лишь изредка получал их фотографии по почте — хрупкие снимки, хранящие улыбки далёких родных.

Нина жила одна, растила шестнадцатилетнюю дочь Дашу, но какая-то давняя обида на отца заставляла её навещать его лишь раз в год — на Новый год. В эти редкие дни Николай мог хоть немного поговорить с внучкой, ощутить тепло семейного очага. В остальное время такие встречи оставались мечтой.

Ярослав тоже давно жил отдельно: отчий дом он покинул в восемнадцать лет. Поначалу наведывался часто, каждые выходные, к отцу и матери, но со временем визиты стали реже — до нынешнего раза в месяц.

И вот, словно по заведённому распорядку, Николай вышел из подъезда, волоча за собой видавшую виды тачку, и направился к почтовому отделению в конце улицы. Там он наполнил сумку письмами, туго перетянул её ремнём и, под лёгкий скрип колёс, двинулся по знакомому маршруту, разнося весточки — хрупкие нити, связывающие людей в этом большом, порой таком одиноком мире.

Навстречу ему шла молодая девушка. Николай уже знал эту девушку и не очень желал с ней встречаться: он считал её чересчур шумной, во всё сующей свой любопытный нос.

— Доброе утречко, Николай Иванович! — раздался звонкий, словно колокольчик, голос Цецилии, приближавшейся с лучезарной улыбкой.

— Здравствуй, Цецилия, — буркнул Николай, надеясь проскользнуть мимо. Но не тут-то было! Вдруг, словно по волшебству, тележка выпорхнула из его рук.

— Ты что творишь? — возмутился Николай, бросая на Цецилию испепеляющий взгляд. «Ну как можно быть такой бесцеремонной? Хватать вещи прямо из рук!» — негодовал он про себя.

— Ну как же вам, Николай Иванович, в ваши годы таскать такие тяжести? Я вам помогу разнести почту, — прощебетала Цецилия, озаряя всё вокруг сияющей улыбкой.

— Какое тебе дело до моих лет? Кто тебя воспитывал, девчонка, что ты ведёшь себя так нахально? — проворчал Николай, выхватывая свою тележку обратно.

— Никто, — прозвучало в ответ. Цецилия потупила взгляд, но улыбка не покинула её лица. — Простите меня за мою невоспитанность, но всё же позвольте мне вам помочь с почтой, — повторила она с едва заметной дрожью в голосе. Тема воспитания была для неё болезненной раной, ведь она росла в сиротском приюте. Два года назад ей, как сироте, выдали квартиру в том же доме и подъезде, где жил Николай. Никто не знал, что девушка сирота, как и сам Николай Иванович.

— Ох, ладно, так уж и быть, помогай, только молча, — сдался Николай. — Всё равно ты от меня не отстанешь, пока своего не добьёшься, — проворчал он, уступая Цецилии свою тележку.

Первые три минуты Цецилия шла молча, как и было велено, но её распирало любопытство, не давая покоя. Николай, идя рядом и поглядывая на неё искоса, заметил её нетерпение.

— Ох, задавай свой вопрос, а то лопнешь от любопытства, — проговорил Николай, поворачиваясь лицом к девушке и заглядывая в её вопрошающие глаза.

— Ой, Николай Иванович, а вы вот каждое утро играете на пианино такую дивную музыку, она прекрасная, но будто такая одинокая. Она о чём? — выпалила Цецилия, не сдержавшись.

— Эта музыка посвящена моей покойной жене. Я играю каждое утро для неё, — ответил Николай, вздыхая. Каждое утро, ровно в семь, он садился за пианино. Жители дома были недовольны утренними концертами: одни уже привыкли, другие до сих пор ворчали, но лишь Цецилию, жившую этажом выше, эта музыка трогала до глубины души. Ей нравились дивные звуки, пробуждавшие её ото сна, от которых ей хотелось петь и летать.

— Ой, простите, я не знала, соболезную, — пролепетала Цецилия, покраснев.

— Ничего страшного, её уже давно нет, — ответил Николай, отворачиваясь.

— А какая она была? А как вы с ней познакомились? А дети у вас с ней есть? — засыпала вопросами Цецилия. — А сколько вы с ней в браке были…

— Цецилия, хватит! — резко оборвал её Николай, вскинув руку, словно отмахиваясь от назойливой мухи. Тема жены была для него слишком болезненной, и он не собирался обсуждать её с посторонней. — Я дальше сам, — отрезал он и, вырвав тележку из рук девушки, пошёл дальше.

— Но, Николай Иванович, простите, я не хотела, давайте я вам помогу, я обещаю идти молча, не пророню ни слова, Николай…

— Сказано же, не нуждаюсь в твоей помощи! — прокричал Николай, останавливаясь. — Оставь меня в покое! — крикнул он ей в лицо и, развернувшись, зашагал прочь.

— Простите, Николай Иванович, я не хотела… — прошептала Цецилия, оставшись стоять на месте и провожая его взглядом. Она поняла, что совершила непростительную ошибку, сунув свой нос не в своё дело и задев старую рану.

Николай, уходя, бросил взгляд на застывшую Цецилию. Хоть она и назойливая девчонка, но он вовсе не хотел на неё кричать.

После этой неловкой встречи Цецилия направилась к Исаакиевскому собору, где её ждал Евгений, друг из приюта. Он был её единственным другом ещё со времён приюта, где они росли бок о бок с шести лет. Когда Евгению исполнилось четырнадцать, его усыновили. Он отчаянно сопротивлялся, не желая расставаться с Цецилией, к которой питал тайную, робкую любовь. Но девушка уговорила его, убеждая, что у кого-то из них хотя бы должна быть семья, а если он откажется, она навсегда перестанет с ним разговаривать. Этот аргумент оказался решающим. После ухода из приюта Евгений регулярно писал ей письма — единственная связь между ними, ведь телефоны в приюте были строжайше запрещены. Иногда по выходным новая семья забирала Цецилию погостить, и приют, закрывая глаза на правила, позволял ей покинуть стены учреждения, радуясь возможности хоть немного отдохнуть от неугомонной воспитанницы. Евгений, стоя у величественного собора, нервно переминался с ноги на ногу, и в его глазах читалось раздражение из-за получасового опоздания Цецилии. Впрочем, к её непунктуальности ему было не привыкать. Но сегодня, когда он собирался признаться ей в своих чувствах, каждая минута ожидания казалась вечностью. Наконец вдалеке он заметил знакомый силуэт — девушку с волосами цвета золотой спелой пшеницы, в лёгком бирюзовом платье, колыхавшемся на майском ветру. Она бежала к нему навстречу, не глядя под ноги.

— Женя! — окликнула она его, приближаясь на всех парах.

Евгений, видя её бегущую навстречу, сделал несколько шагов вперёд и заметил камень, предательски лежавший на её пути.

— Цецилия, осторожно! — выкрикнул он, пытаясь её остановить, но она, увлечённая встречей, споткнулась о коварный камень. Евгений, понимая, что падение неизбежно, бросился ей навстречу и в последнее мгновение успел подхватить её, опустившись на колено.

— Ой, — выдохнула Цецилия, — я такая неуклюжая, как всегда, — прошептала она, опираясь руками на плечи Евгения, ведь она упала прямо в его объятия.

— Ты не ушиблась? — взволнованно спросил Евгений, заглядывая в её небесно-голубые глаза, в которых отражалось тепло майского солнца.

— Ну, ты же, как всегда, меня поймал, конечно, не ушиблась, спасибо тебе, Женя, — ласково проговорила Цецилия, глядя в его обеспокоенные карие глаза.

— Я всегда буду рядом, чтобы смягчить твоё падение, Цецилия, — проговорил он смущённым голосом, заметив, что она всё ещё сидит на нём. — Ты бы не могла… встать с меня?

— Ой, да конечно, — проговорила Цецилия, вставая с него и помогая ему подняться.

Поднявшись, они отряхнули свою одежду от пыли.

— Ну что, куда пойдём, Цецилия? — спросил Евгений.

— Ой, я не знаю, можно сходить туда и туда, даже не знаю… а ещё можно пойти в библиотеку, — взволнованно проговорила Цецилия, жестами показывая места, куда бы хотела пойти.

— Ха-ха-ха, — рассмеялся Евгений, заметив взволнованное лицо Цецилии, которая пыталась определиться с местом, куда им пойти.

— Эй, ты чего смеёшься надо мной? — недоумённо спросила Цецилия, не понимая, что сказала смешного.

— Ну, ты просто такая взволнованная, что мне стало смешно, — ответил Евгений, смотря на Цецилию, которая слегка надула губки.

— Ну конечно, я взволнована, мы последнее время так редко видимся, а мне бы хотелось обойти с тобой весь Питер, — проговорила Цецилия, улыбаясь.

— Да, и правда, с учёбой в университете мы и правда стали реже видеться, — проговорил Евгений, вздыхая. — Ну, может, сначала пойдём туда, а потом туда, а в конце зайдём в библиотеку, а потом в кафе, что скажешь? — спросил он, показывая жестом их маршрут прогулки.

— Замечательно, я согласна, пойдём уже! — проговорила она и потянула его за собой.

— Пойдём, а не побежали, — проговорил он, едва успевая за ней.

Они гуляли по петербургским улочкам и паркам. Цецилия с визгом бегала под струями фонтанов, а Евгений пытался её догнать. Они бегали и веселились, словно дети, смеялись, ели сладкую вату. Цецилия взахлёб рассказывала о своих маленьких приключениях за неделю, даже про неловкий разговор с Николаем Ивановичем. Евгений искренне внимал каждому её слову, любуясь её улыбкой, блеском её глаз.

— Так тебя расстраивает эта ссора с Николаем Ивановичем? — спросил Евгений, заметив, как помрачнело лицо Цецилии, когда она заговорила о Николае.

— Ещё как расстраивает! Понимаешь, он ведь весьма одинокий человек, у которого умерла любимая жена, и он, тоскуя по ней, каждый день играет для неё на пианино прекрасную мелодию. А я тут со своими глупыми вопросами его расстроила и, может, даже обидела. Нужно как-то это исправить, но я не знаю как, — выпалила Цецилия всё, что у неё на душе накипело.

— Ну, подумаешь, спросила про его жену, что в этом такого? Я не думаю, что тебе стоит тратить время на этого старика, — небрежно бросил Евгений.

— Женя, я даже не думала, что ты такой бессердечный, — разочарованно сказала Цецилия.

— Прости, я не думал, что он настолько для тебя важен. Цецилия, не злись на меня, — проговорил Евгений, чувствуя, что был не прав.

— Ну конечно, он для меня важен! Он же мой сосед, как он может быть мне не важен! Просто он такой же одинокий, как и я, — серьёзно проговорила Цецилия.

— Ну а как же я? У тебя же есть я, — проговорил Евгений, отводя взгляд.

— Ну, конечно, ты у меня есть! Ты же мой лучший друг, и я очень-очень рада, что мы будем дружить всегда, — радостно улыбаясь, проговорила Цецилия. — Ладно, я придумаю, как загладить ситуацию с Николаем Ивановичем, а сейчас пойдём в библиотеку, — проговорила она, потянув Евгения за собой.

— Ага, пойдём… — погрустневшим голосом проговорил Евгений, осознавая, что Цецилия видит в нём лишь друга.

В библиотеке Цецилия с восторгом бегала от стеллажа к стеллажу, перебирая романы, детективы, фантастику. Каждая книга казалась ей сокровищем, но выбрать что-то одно было невыносимо сложно. Книги, рисование, музыка – для неё это было не просто искусство, а спасение, возможность хоть ненадолго уйти от суровой реальности, окунуться в другой мир. С книгой можно было полетать в мир магии, представить себя волшебницей, способной наколдовать всё, что душе угодно: деньги, дом, еду. Всё, кроме родителей, которые бы любили, заботились и принимали её такой, какая она есть. С помощью магии нельзя заставить кого-то полюбить, а если и получится, то это будет лишь фальшь, как дешёвая подделка, – думала Цецилия, перелистывая страницы книги. Внезапно по её щекам потекли слёзы, и одна капля упала на страницы. В этот момент к ней подошёл незнакомый мужчина. Он заметил её слёзы, но не понимал причины, лишь предположил, что какая-то строчка в книге затронула её душу.

— Девушка, вы так затопите всю библиотеку, и тогда нам нечего будет читать, — проговорил мужчина бархатным голосом.

Цецилия вздрогнула и обернулась. Перед ней стоял молодой мужчина высокого роста, худощавый, с рыжими волосами, ярко-зелеными глазами, которые искрились из-под прямых очков. Его лицо, усыпанное веснушками, расплылось в доброй улыбке. Она невольно рассмеялась сквозь слезы.

— Простите, девушка, но чему вы смеётесь? Вы же только что плакали, разве нет? «Или вы смеётесь надо мной?» —спросил мужчина, смущённый её реакцией.

— Ой, простите, я не смеюсь над вами… Просто ваша улыбка и зеленые глаза напомнили мне Чеширского кота, — проговорила Цецилия, утирая слёзы.

— Я похож на Чеширского кота? — удивлённо проговорил мужчина, представив себя в полосатой шкуре.

— Простите, я не хотела вас обидеть, — проговорила Цецилия, чувствуя неловкость.

— Да ладно, я бы неплохо смотрелся в роли кота, но не стоит извиняться, я рад, что смог вас рассмешить. Вы выглядели очень расстроенной, — проговорил мужчина, слегка наклонившись, чтобы лучше рассмотреть её лицо.

— Ой, вы слишком близко, — проговорила Цецилия. — У вас красивые зеленые глаза и… — слова сорвались с её губ, и она внезапно покраснела от смущения.

— Позволите ли мне посоветовать вам книгу? Думаю, она вам понравится, — проговорил мужчина, сжалившись над её смущением. Он выпрямился и потянулся к самой верхней полке стеллажа, достал книгу и протянул ей.

— «Я никому не расскажу твой секрет», — прочитала Цецилия вслух название книги. — О чем она? — спросила она.

— Это секрет. Думаю, вам самой нужно его раскрыть, — ответил мужчина с загадочной улыбкой.

— Ммм, — протянула Цецилия. — А ваше имя — тоже секрет? — спросила она, слегка смущаясь.

— Ха-ха-ха, — рассмеялся мужчина. — Нет, имя — не секрет. Я скажу вам своё имя, если вы скажете мне своё, — проговорил он, подмигнув.

— Цецилия, — ответила она.

— Цецилия — редкое имя… А моё имя…

— Цецилия, вот ты где! Я тебя везде ищу, пойдём! — взволнованно проговорил Евгений, прервав их разговор, схватил её за руку и потащил за собой.

— Стой, Женя… я хотела узнать…

Но Евгений будто не слышал её. Он видел и слышал всё, что произошло между ней и незнакомцем. Он не хотел, чтобы этот мужчина назвал своё имя, не хотел, чтобы она запомнила его. Сейчас он мечтал лишь об одном — чтобы они исчезли вдвоём, чтобы никто не разлучил их. Мужчина, оставшись у стеллажа, погрузился в раздумья. Где же он мог раньше видеть эту девушку? И кто ей этот парень?

Когда они выбежали на улицу, Цецилия резко остановилась, вырвав руку из хватки Евгения.

— Женя, что с тобой? Что происходит? Почему мы вылетели из библиотеки, как ошпаренные? — требовательно спросила Цецилия, глядя ему прямо в глаза.

— Прости меня, Цецилия, меня просто испугало, как легко ты пошла на контакт с этим незнакомцем. А вдруг он обидел бы тебя, или… что-нибудь похуже? — пролепетал Евгений, избегая её пристального взгляда. — Нельзя так доверчиво открываться незнакомым людям, тем более называть им своё имя. А вдруг он какой-нибудь злодей? — проговорил Евгений, стараясь убедить её в своей правоте.

— Женя, я не маленькая девочка, мне уже двадцать лет, и я вполне способна постоять за себя, ты же знаешь это. И потом, что бы он мог сделать мне в библиотеке? Он вовсе не показался мне злодеем. Да и по его лицу не скажешь, что он способен на зло, — возразила Цецилия. — Женя, спасибо за твою заботу, я очень ценю это, но тебе не стоит так сильно за меня волноваться, хорошо? — произнесла Цецилия твёрдым, но нежным голосом, бережно положив свою руку ему на плечо, пытаясь успокоить его тревогу.

— Просто есть еще одна причина, почему я так сделал, — проговорил он смущенно, покраснев, как школьник.

— Какая еще причина? — удивлялась Цецилия, не понимая, что может еще быть, и её брови вопросительно изогнулись.

— Ну, понимаешь, Цецилия… — замялся Евгений, собираясь с духом. — Я когда увидел, как ты общаешься с этим незнакомцем, проявляя симпатию, я… я заревновал, Цецилия, — проговорил он серьезным голосом, и в его глазах читалась вся глубина его чувств.

— Что, ревновал? Но почему, Женя? — спросила Цецилия в полном замешательстве, она даже не знала об истинных чувствах Евгения, и её сердце замерло в ожидании ответа.

Евгений опустил голову, словно признавая вину. Тишина повисла между ними, нарушаемая лишь шумом проезжающих машин. Наконец, он поднял взгляд, в котором плескалась надежда и страх.

— Цецилия, мы с тобой росли вместе, ты — моя единственная семья. Я всегда… всегда любил тебя, больше чем друга. Я знаю, что, наверное, это звучит глупо, особенно сейчас, но я не могу больше молчать. Я ревную тебя к каждому, кто смотрит на тебя дольше, чем положено, кто заговаривает с тобой. Прости, если мои чувства причиняют тебе боль.

Цецилия молчала, пытаясь осмыслить услышанное. Она видела в Евгении брата, лучшего друга, родственную душу, но никогда не думала о нем как о ком-то большем. И она уже знала, чувствовала всем сердцем, что не сможет ответить на его любовь взаимностью. Для нее Евгений навсегда останется другом, братом, но не тем, кого она сможет полюбить.

— Женя… прости меня… Мне очень жаль, но… но для…

— Но для тебя я всего лишь друг… — с горечью проговорил Евгений, прервав ее.

— Женя, ты не всего лишь друг… Ты для меня самый лучший друг, брат… — проговорила Цецилия, нежно беря его руки в свои и смотря ему прямо в глаза, стараясь передать всю теплоту своей привязанности.

Евгений выдохнул, словно освобождаясь от тяжкого груза, но в его глазах по-прежнему плескалась грусть. Он знал, что Цецилия говорит искренне, но осознание того, что его чувства останутся без ответа, не становилось от этого менее болезненным. Он чувствовал, как в груди разрастается пустота, и понимал, что ему предстоит долгий путь, чтобы смириться с этим.

— Женя, я никогда не перестану ценить нашу дружбу, — тихо проговорила она, — пожалуйста, давай останемся друзьями. Я не хочу потерять тебя, ты слишком дорог мне.

Он слабо улыбнулся, и эта улыбка была полна боли и отчаяния. Он знал, что она права, что их дружба стоит того, чтобы сохранить ее, даже если это будет означать, что ему придется жить рядом с ней, зная, что она никогда не станет его.

— Хорошо, Цецилия, — прошептал он, — я постараюсь. Но дай мне время… Нужно время, чтобы привыкнуть к этой мысли.

В этот самый напряженный момент у Цецилии зазвонил телефон. Она ответила на звонок, и из динамика полился незнакомый, взволнованный голос. Он сообщил, что Николаю Ивановичу внезапно стало плохо, и он настоятельно просил связаться с Цецилией, умоляя ее прийти как можно скорее.

— Хорошо, я сейчас буду, — проговорила Цецилия дрожащим голосом, все еще держа телефонную трубку в руке.

В этот момент из дверей библиотеки выбежал, словно подгоняемый злым роком, рыжий незнакомец, тот самый мужчина с зелеными глазами. Не замечая ни Евгения, ни Цецилию, он, торопливо убегая, случайно задел плечом Евгения, едва не сбив его с ног.

— Эй, ты что, слепой? «Смотри под ноги!» — раздраженно прокричал ему в след Евгений, но мужчина, казалось, не услышал его. — Цецилия, а это не тот мужчина, что с тобой только что разговаривал? — спросил Евгений, пытаясь понять, что происходит.

— А, не знаю, я как-то не обратила внимания, — задумчиво проговорила Цецилия, ее мысли были далеко отсюда.

— Цецилия, что-то случилось? Ты что-то плохое услышала по телефону? Ты вся побледнела, словно привидение увидела, — беспокойно спросил Евгений, заметив, как резко переменилось ее состояние.

— Эм, нет… то есть, да… Мне позвонили из скорой помощи и сказали, что Николаю Ивановичу плохо, и он просил меня прийти… Жень, прости, но мне нужно бежать. Прости, что так все вышло… Мы же еще увидимся, — проговорила Цецилия, чувствуя неловкость из-за

неразрешенной ситуации с признанием Евгения и трагичного звонка из скорой. Ей совсем не хотелось покидать Евгения в таком состоянии после его откровенного признания, но и отказать в просьбе Николаю Ивановичу она тоже не могла.

— Все в порядке, Цецилия, конечно, мы еще обязательно увидимся, мы же друзья, в конце концов. Беги уже, он тебя ждет, — проговорил Евгений, заметив ее замешательство и нарастающее беспокойство.

— Спасибо, Женя, я побежала, — проговорила Цецилия и, не теряя ни секунды, побежала в сторону дома, ведь ей сообщили, что Николай Иванович, в последний момент отказался от реабилитации и остался дома.

Глава 2

«Неожиданная встреча»

Цецилия, задыхаясь от волнения, забежала в подъезд и вихрем взлетела на третий этаж, где жил Николай Иванович. Дверь в его квартиру была приоткрыта. Она робко постучала, прежде чем переступить порог, и услышала тихий, ободряющий голос: "Войдите". Цецилия вошла в квартиру и сразу услышала приглушенные голоса, доносившиеся из комнаты. Она направилась туда, откуда исходил звук, и, приближаясь, узнала один из голосов. Второе казался смутно знакомым. Один голос, тихий и хриплый, принадлежал Николаю Ивановичу, а второй звучал на удивление бодро и приятно. Заглянув в комнату, она не поверила своим глазам: у кровати Николая Ивановича сидел тот самый незнакомец из библиотеки.

— Цецилия! — изумился незнакомец, в его тоне сквозило неподдельное удивление.

— Чеширский кот! — выдохнула она в ответ, чувствуя, как щеки заливает краска.

— Цецилия… — едва слышно проговорил Николай Иванович, прерывая их неловкую перепалку.

— Николай Иванович, как вы себя чувствуете? — встревоженно спросила Цецилия, подходя ближе к кровати.

— Уже намного лучше, присядь, пожалуйста, рядом, — проговорил Николай, слабо улыбнувшись и едва заметным жестом приглашая ее присесть.

Цецилия молча присела на край его кровати, чувствуя себя неловко.

— Прости, я не должен был на тебя кричать, — проговорил он, накрывая ее руку своей теплой, старческой ладонью.

— Ой, ну что вы, не извиняйтесь, это я вечно лезу не в свое дело и сама не замечаю, как могу причинить боль человеку, задевая его чувства. Простите меня, я не должна была засыпать вас вопросами, особенно такими личными, — проговорила Цецилия, ощущая острую вину за то, что причинила боль Николаю Ивановичу. — Это моя вина, что вам стало плохо, — прошептала она, потупив взгляд, и ее голос дрогнул от сожаления.

— Да ну что ты… Нет твоей вины. Я на пианино играл, и тут соседи с претензиями на шум. Мы поругались, а я так перенервничал, что давление подскочило и сердце защемило. Пришлось скорую вызывать, ведь мне все хуже и хуже. И попросил вызвать тебя… Кстати, а почему ты называешь моего сына Чеширским котом? — спросил Николай, с любопытством разглядывая ее.

— Он… Ваш сын? — ошеломленно переспросила Цецилия, утопая в пучине внезапно всплывшей неловкости.

— Ну да, мой сын Ярослав, — ответил Николай.

— Это долгая история… — замялась она, стесняясь, что окрестила сына Николая Ивановича таким прозвищем.

— Я с удовольствием послушаю, — улыбнулся Николай. — Начинай, а Ярослав пока чай заварит.

Почему-то Николаю Ивановичу стало интересно послушать историю Цецилии. Зная, что она такая болтушка, он предвкушал, как она расскажет все в деталях и красках. За два года, что она здесь жила, Николай Иванович частенько, волей или неволей, становился слушателем ее рассказов и приключений, а также мог услышать все истории о том, как ей могла понравиться

та или иная прочитанная книга. И после того случая с утра Николаю Ивановичу захотелось, чтобы эта шустрая девчонка побыла подольше и посидела рядом с ним.

— После нашей утренней встречи… — начала Цецилия. Она увлечённо поведала о дне: о встрече с Евгением, о нём самом, их прогулке, беготне у фонтанов, поедании сахарной ваты, библиотеке и беседе с Ярославом, о том, как расхохоталась и прозвала его Чеширским котом, о книге, что он дал, как Евгений выхватил её, и она не узнала имя Ярослава. В пылу рассказа она даже упомянула признание Евгения в любви. — А потом звонок… и я здесь, — завершила она.

После её монолога у Николая Ивановича и Ярослава накопилось множество вопросов.

— Цецилия, мы верно уловили, что ты сирота? — уточнил Николай, поражённый услышанным.

— Да, точно, я сирота, — подтвердила она, сжав губы.

— Но ты ничего об этом не рассказывала. И тогда утром, когда я сказал, кто тебя воспитывал, и ты ответила "никто", тогда это была не шутка? — спросил Николай.

— Если про родителей, то да, не шутила. А воспитатели в приюте особо не заморачивались. Детей много, чем старше, тем меньше внимания. Хотя я всегда была не из тихих, и сейчас тоже, так что меня замечали даже взрослой, — ответила Цецилия с лёгкой усмешкой.

— Прости, не стоило мне это говорить…

— Нет, не нужно извиняться, вы не знали, а я не говорила, да и не особо люблю это обсуждать, так что не стоит извиняться, — проговорила Цецилия, перебивая Николая Ивановича.

— Насыщенный день у тебя, Цецилия: поссорилась с моим отцом, погуляла по Петербургу, познакомилась со мной в библиотеке, тебе в любви признались — полный набор, — подытожил Ярослав, переводя тему.

— Да денёк так денёк, — проговорила она, попивая чай. — Ой, божечки, мне же уже пора бежать! Мне нужно в магазин забежать и домой вернуться до того, как стемнеет, — взволнованно проговорила Цецилия, посмотрев на время и подхватившись со стула. — Николай Иванович, Ярослав, прошу прощения, но мне нужно бежать. Большое спасибо за чай, до свидания! — проговорила Цецилия и вихрем убежала.

Николай Иванович и Ярослав удивлённо переглянулись после внезапного ухода Цецилии.

— Ну, прямо шустрый ураган! — посмеиваясь, проговорил Ярослав.

— Да, то, что шустрая, это точно, — подтвердил Николай слова Ярослава. — Слушай, сынок, а она тебе понравилась? Да и ты ей приглянулся, — проговорил Николай, заметив, как во время общения с Цецилией Ярослав смотрел на нее.

— Ой, пап, скажешь тоже — понравилась! Не забывай, что я встречаюсь с Лизой, — с легким румянцем от смущения проговорил Ярослав. — К тому же она для меня ребенок, я ей явно лет на десять старше.

— Ну, твоя Елизавета не жена и не невеста, так что подумай, — проговорил Николай. — А возраст любви не помеха, сынок.

— Ой, ладно тебе, пап… Мне, впрочем, тоже уже пора домой, — пробубнил Ярослав, поднимаясь. — До свидания, пап.

— До свидания, сынок, приходи почаще, — ласково проговорил Николай.

Ярослав, идя домой, всю дорогу думал о Цецилии, что она не такая, как все девушки, которых он встречал. И дело было даже не в том, что она сирота, будто она из другого мира, такая… живая. Как будто ее выдернули из какой-то сказки, где все искрится и переливается, где есть место и смеху, и слезам, и внезапным признаниям в любви. Она словно осколок яркого солнца, случайно попавший в серые будни. И вся эта история с "Чеширским котом" только подчеркивала ее необычность. Кто еще мог так непринужденно навесить подобное прозвище практически незнакомому человеку?

Он не мог отделаться от ощущения, что она словно Алиса, забредшая в Страну Чудес. Беготня у фонтанов, сахарная вата, споры с незнакомцем, признание в любви… Все это какой-то калейдоскоп событий, совершенно не вписывающийся в обычную реальность. И он, кажется, вдруг стал частью этой чужой, но безумно притягательной сказки.

"Понравилась…" – всплыли в голове слова отца. Он отмахнулся от этой мысли. Лиза – да, она стабильна, предсказуема, удобна. Цецилия же – это ураган, стихийное бедствие, буря эмоций. Он не мог себе позволить подобный хаос в своей жизни. Но при этом образ ее больших, удивленных глаз, ее заразительного смеха никак не хотел покидать его мысли.

Он усмехнулся. "Дитя", – подумал он. Но ведь в этой "девочке" было столько огня, столько энергии, сколько не было в Лизиных приглушенных тонах. И что-то подсказывало Ярославу, что ему придется еще не раз встретиться с этой непредсказуемой гостьей из другой страны. И, возможно, не только случайно.

Тем временем, Цецилия занималась выбором продуктов в "Пятёрочке". Ею были выбраны самые доступные по цене макаронные изделия, бюджетная банка сгущёнки, одна морковь, головка лука, пара картофелин и четверть куриной тушки, а также пачка недорогого чая и шоколадная плитка. Подойдя к кассе, она выложила покупки на ленту транспортёра.

— Добрый вечер, вам нужен пакет? — спросила кассир.

— Нет, спасибо, — ответила Цецилия.

— У вас есть карта лояльности нашего магазина? — последовал вопрос.

— Нет, — вновь ответила Цецилия.

— К оплате 269 рублей.

— Минутку, но если сложить цены с ценников, то получится 242 рубля.

— Девушка, возможно, вы считали по акционной цене, но скидка действует только для владельцев карт нашего магазина. Будете оплачивать или нет? Вы создаёте задержку для других покупателей.

Цецилия не знала, что делать: той суммы, что вышла, ей тогда не хватит на билет на автобус, чтобы доехать домой, ведь уже темнело, и идти пешком не вариант.

— Итак, вы будете платить? — недовольно спросила кассирша.

— Отмените шоколад, пожалуйста, — с сожалением произнесла Цецилия.

— Не стоит, я заплачу за девушку, — прозвучал голос за спиной Цецилии.

Девушка обернулась и увидела молодого человека с длинными иссиня-чёрными волосами. Его тёмные глаза были подобны чёрной бездне. В его ухе блестела серьга, а сам он был одет во всё чёрное: джинсы, футболку и джинсовую ветровку, на воротнике которой небрежно висели солнцезащитные очки. Нижнюю губу украшала ещё одна серьга.

— Не стоит, я просто откажусь от шоколада, и всё будет в порядке, — смущённо сказала Цецилия.

— Не беспокойтесь, для меня это не проблема, позвольте мне заплатить, — ответил парень.

— Спасибо, но скажите, как я смогу вернуть вам деньги? Я просто неверно посчитала, у меня есть деньги, но не при себе, и я обязательно верну вам потраченную сумму, — объяснила Цецилия.

— Давайте я заплачу сейчас, выйдем и всё обсудим, а то мы задерживаем очередь, — спокойно сказал парень, немного удивлённый её словами о возврате денег.

— Хорошо, — согласилась Цецилия.

После того как молодой человек расплатился за покупки Цецилии и за свою баночку энергетика и пачку мятных сигарет, они вместе вышли из магазина.

— Еще раз огромное спасибо! Пожалуйста, скажите, как вас зовут и где я могу вас найти, чтобы вернуть деньги? — взволнованно спросила Цецилия, пытаясь поймать его взгляд.

— Ха-ха-ха, — молодой человек вдруг расхохотался, запрокинув голову. — Простите, просто впервые вижу человека, особенно девушку, так рьяно стремящегося вернуть деньги за продукты! — проговорил он, сквозь смех, улыбаясь одними уголками губ.

— Но что такого в том, чтобы вернуть долг? — искренне удивилась Цецилия. — Я не привыкла быть кому-то должной и всегда за все плачу сама. Просто сегодня так сложились обстоятельства. Я бы и сейчас заплатила, просто отказавшись от чего-то, но я согласилась на вашу помощь только с условием, что вы скажете, как с вами связаться, — серьёзно произнесла она.

— Ладно, понял. Но у меня тоже есть несколько условий, как ты сможешь вернуть долг, — проговорил молодой человек, лукаво прищурившись. — Но сначала ответь, ты далеко живешь отсюда?

— Не очень, остановок пять. Но сейчас темнеет, я бы предпочла доехать на автобусе.

— Позволь мне проводить тебя до дома? Заодно и расскажу про свои условия. Только если ты меня не боишься, — проговорил молодой человек, с едва заметной усмешкой.

— Нет, я не боюсь, — твердо ответила Цецилия.

— Отлично, тогда идем, — проговорил молодой человек, подхватывая ее пакет с продуктами.

— Так какие у вас условия? — спросила Цецилия, идя рядом.

— Итак, если ты выполнишь все мои условия, то ты мне ничего не будешь должна. А если нет, то я вообще ничего не скажу, и долг останется висеть над тобой вечным бременем, — проговорил он игривым голосом.

— Ну это нечестно! Получается, я в любом случае не смогу вернуть тебе деньги, — проговорила Цецилия, чувствуя себя немного обманутой.

— Ну, что скажешь? — поддразнил он.

— Ладно, условия так условия, но надеюсь, они в пределах разумного! — вздохнула Цецилия, предчувствуя нечто необычное.

— Во-первых, мы переходим на "ты", а то как-то не комильфо, мы же почти ровесники. Мне двадцать два. Во-вторых, хочу знать твоё имя. Меня зовут Целимир, — представился он, ослепительно улыбаясь.

— Целимир… Какое редкое имя! — удивилась Цецилия, поражённая странным созвучием их имён. — А меня зовут Цецилия. Мне двадцать, — ответила она.

— Прекрасно! — воскликнул Целимир. — Знаешь, мы учимся в одном университете! Я видел тебя в коридоре. Хотел подойти познакомиться, но ты растворялась в воздухе, как только я решался подойти, — с улыбкой признался он.

— Что, мы учимся вместе? Но я тебя ни разу не видела… У тебя довольно запоминающаяся внешность! — возразила Цецилия. — Ты, кстати, похож на ворона Диаваля из сказки «Малефисента. История тёмной феи», — заявила она, представив себе его в роли верного слуги тёмной волшебницы.

— А что, думаю, я и правда сошёл бы за ручного ворона Малефисенты… Каррр! — засмеялся Целимир, изображая крик ворона.

— Ха-ха-ха! — расхохоталась Цецилия, поражённая его артистизмом. — Ты смешной… Целимир, скажи, на кого ты учишься? — поинтересовалась она.

— На «Звукорежиссуру аудиовизуальных искусств», последний курс, — ответил он. — А ты?

— Я на «Журналистику», четвертый курс.

Цецилия рассказала Целимиру о своей учёбе, насколько ей нравится журналистика, и Целимир поделился причинами своего выбора профессии. Они успели обсудить многое, пока шли к подъезду дома Цецилии. Первое впечатление от Целимира было совсем не таким мрач-

ным, как могло показаться: он оказался добрым, весёлым и отзывчивым собеседником. Общение с ним доставило Цецилии удовольствие.

— Ну вот и мой дом, здесь я живу, — проговорила Цецилия, подходя к подъезду.

— Ой, как быстро мы дошли. Может, ещё как-нибудь встретимся? В университете, например, вместе на обед сходим? — предложил Целимир с надеждой.

— Отличная идея, я не против, — согласилась она. — Ой, пока ты не ушёл, какое ещё условие?

— Наша встреча — это и есть третья часть условия, — ответил он, улыбаясь и протягивая ей пакет с продуктами.

— Ну, тогда до встречи, — проговорила Цецилия, улыбаясь в ответ.

— До встречи, Цецилия, — попрощался Целимир.

Едва Цецилия скрылась за дверью подъезда, Целимир, словно вихрь, скрылся за домом. Там его уже ждала черная машина, ее силуэт тонул в вечерних сумерках. Целимир скользнул на заднее сиденье, и машина, бесшумно набирая скорость, устремилась в сторону раскинувшегося неподалеку от города коттеджного городка.

Глава 3

«Приказ отца»

Приближаясь к массивному трехэтажному особняку, выполненному в строгом британском стиле, автомобиль стремительно вкатился во двор. Целимир вышел, направляясь прямиком внутрь. Поднимаясь по ступеням на второй этаж, он держал путь к кабинету отца. У дверей его ожидал помощник, Фёдор Михайлович, чья фигура казалась незыблемой, как изваяние.

— Фёдор Михайлович, доложите отцу, что я прибыл и жажду немедленной беседы, — произнёс Целимир, обращаясь к Фёдору, который, склонившись, что-то маниакально выводил в своей тетради. — Сию минуту, — отозвался Фёдор, отрываясь от своих записей, и набрал номер на служебном телефоне: — Кирилл Олегович, ваш сын. Просит срочной и, судя по всему, конфиденциальной встречи, — доложил Фёдор в трубку.

— Пусть войдёт, — прозвучал сухой, как осенний лист, голос.

— Ваш отец…

— Я слышал, — перебил Целимир, срываясь с места, и ворвался в кабинет.

— Здравствуй, сын. Что привело тебя? — спросил Кирилл Олегович, застыв у окна, вглядываясь в серую даль.

— Я нашёл её. Её имя — Цецилия, и это правда, — серьёзность Целимира чувствовалась в каждом слове.

— Что удалось выяснить? Учится там, где мы предполагали? Живёт в доме, указанном в документах при выходе из приюта? — Кирилл Олегович задавал вопросы ледяным тоном.

— Да, — коротко подтвердил Целимир.

— Отлично, сын. Хорошая работа, — Кирилл Олегович, наконец, повернулся к нему лицом. В его глазах мелькнуло подобие гордости.

— Теперь ты скажешь, где моя мать? — требовательно спросил Целимир. — Нет. Ещё не всё, — отрезал Кирилл Олегович. — Но ты обещал! Как только я проверю информацию, ты скажешь, где она, — возмущение вскинуло бровь Целимира.

— Ты заблуждаешься. Твоя задача — следить за ней. Сблизиться. Завоевать её доверие. Стань её другом, лучшим другом. Тем, с кем она сможет поделиться сокровенным, — Кирилл Олегович говорил размеренно, словно читал заученный текст. — И только когда она станет доверять тебе безоговорочно, мы поговорим о твоей матери. А сейчас — иди, — повелительным жестом указал он на дверь.

— Что? Договор был иным! Какой ещё друг? — голос Целимира сорвался на крик.

— Я сказал, разговор окончен! — рявкнул в ответ Кирилл Олегович. — Не испытывай моё терпение, Целимир. Иначе ты никогда не узнаешь, где твоя мать, — слова прозвучали как смертный приговор.

Целимир, ошеломлённый, молча покинул кабинет, с силой захлопнув дверь. В своей комнате он рухнул на кровать, свернулся калачиком, отвернулся к стене и прошептал в пустоту: «Я ненавижу его. Зачем ему Цецилия? И где он прячет мою мать? Жива ли она вообще?»

Тем временем Цецилия, утолив легкий ночной голод, погрузилась в мягкую постель и устремила взгляд в потолок, словно испещренный мерцающими звездами. В тишине ночи, словно драгоценные камни, перебирала она в памяти события и лица минувшего дня. Ярослав и Целимир… Два столь разных, но одинаково пленительных силуэта возникли в ее сознании. С каждым из них рождалась робкая надежда на продолжение, на что-то большее.

Лежа в полумраке, Цецилия словно перелистывала страницы двух волшебных сказок. Первая – "Страна чудес", где улыбка Чеширского кота обрела облик Ярослава – его яркие, лучистые глаза и заразительная улыбка дарили ей тепло и чувство безмятежного покоя. В памяти всплыла их случайная встреча в библиотеке, его бархатный, обволакивающий голос, их непринужденный, искренний диалог. А воспоминание о его легком наклоне, о близости его дыхания, вызывало на ее губах робкую, смущенную улыбку.

И другая сказка – мрачноватая симфония "Малефисенты". В тени колдовского леса возник образ загадочного Целимира, воплотившегося в ручном вороне Диавале. Скрытный и мрачный, но в то же время неожиданно открытый, он словно пронзал ее своим взглядом, отправляя по телу табун мурашек. Его артистичные шутки, приправленные терпкой иронией, заставляли сердце трепетать.

И словно повинуясь волшебству, обе сказки сплелись в причудливый узор в её воображении. Ярослав, облаченный в полосатый наряд Чеширского кота, с хитринкой поглядывал на нее из-под стекол очков. А Целимир, преобразившись в грациозного ворона, расправлял свои угольно-черные крылья. Ярослав протягивал ей загадочную книгу, полную тайн и секретов, а Целимир манил в головокружительный полет в неизведанные дали.

Задумалась Цецилия, кто же из них отражает ее внутренний мир, какая из этих сказок ближе ее сердцу? Ярослав, с его нежностью и искренней добротой, словно звал в тихую, уютную гавань, где можно укрыться от бушующих жизненных ветров. Целимир же, напротив, манил в мир захватывающих приключений и дерзких авантюр. Где каждый миг – это новая загадка, ждущая своего разгадчика. Где страх и восторг сплетаются в единое целое.

И с этими трепетными мыслями, с робкой надеждой в сердце, Цецилия погрузилась в глубокий, безмятежный сон.

Глава 4

«А мятная сигаретка для старика найдётся?»

Глубокой ночью к загородному коттеджу подкатил черный автомобиль. Из него вышел мужчина зрелых лет в строгом костюме с синим отблеском. В руке он держал трость из полированного красного дерева, источавшую слабый отблеск. Стальной набалдашник трости сиял золотыми узорами. Серебристые волосы мужчины искрились в лунном свете. За круглыми стеклами очков таились глаза цвета стали. Сеть морщин пролегла по лицу, отмеченному родинкой под левым глазом. Аккуратные седые усы и борода обрамляли лицо. Следом за ним вышли из машины четверо крепких телохранителей в черных костюмах, галстуки цвета крови завершали их образ. Не дожидаясь приветствия, мужчина вошел в дом. Никто не ожидал его приезда. Молча, он поднялся на второй этаж, прошел мимо Федора Михайловича, словно тот был тенью, и бесцеремонно ворвался в кабинет Кирилла Олеговича. Его телохранители последовали за ним, захлопнув дверь.

— Не спишь, как я погляжу, — произнёс пожилой мужчина, тяжело опускаясь в кресло напротив Кирилла Олеговича.

— И вам доброй ночи, Дмитрий Григорьевич. Как видите, нет. Вам, видимо, тоже не спится, раз пожаловали ко мне в столь поздний час, — с раздражением в голосе ответил Кирилл Олегович.

— Мне, конечно, не спится, когда я уже полгода не вижу свою дочь! — воскликнул Дмитрий Григорьевич. — Воронов, отвечай мне: когда я увижу Алису? Ты уже три месяца твердишь мне, что она в Китае, в командировке, изучает новые технологии. Но я три месяца не могу с ней связаться! Что происходит?! Где моя дочь?! — голос Дмитрия Григорьевича дрожал от гнева, кулак его сжался так, что хрустнули кости.

— Дмитрий Григорьевич, заверяю вас, с вашей дочерью всё в порядке! Не стоит волноваться. Я уже отправил к ней своего человека. Он её найдёт и сообщит мне, а я сразу же сообщу вам, — успокаивающе произнёс Кирилл Олегович.

— Если через две недели Алиса не позвонит мне, ты пожалеешь, что стал её мужем! — прорычал Дмитрий Григорьевич, поднимаясь с кресла. — Надеюсь, ты меня услышал! — произнёс он, выходя из кабинета и с силой хлопнув дверью.

— От же старый черт. Скорее бы тебя прикончить. Жалко, что сейчас не время, а то сейчас бы придушил своими же руками, — прошептал Кирилл Олегович, когда дверь его кабинета окончательно захлопнулась, погружая его в тишину, наполненную невысказанной злобой.

В это время Целимиру не спалось. Он решил выйти покурить. Выйдя из комнаты, он проходил мимо кабинета отца и услышал обрывки разговора. Притаившись за колонной, чтобы не попасться на глаза Фёдору Михайловичу, он дождался, когда Дмитрий Григорьевич выйдет из кабинета, и тихонько последовал за ним к выходу. Охрана заметила Целимира, но не подала виду. Когда Дмитрий Григорьевич вышел на улицу, Целимир последовал за ним.

— Уделишь мне время, раз уж заехал? — спросил Целимир в спину Дмитрию Григорьевичу.

— А мятная сигаретка для старика найдётся? — поинтересовался Дмитрий Григорьевич, оборачиваясь к Целимиру.

— Найдётся, — ответил Целимир, вытягивая из кармана пачку сигарет.

Дмитрий Григорьевич и Целимир присели в беседке. Целимир достал сигареты с ментолом, одну себе, другую Дмитрию Григорьевичу, и они закурили. Они сидели молча, погружён-

ные в свои мысли. Дмитрий Григорьевич практически не курил, лишь изредка позволял себе сигару по праздникам. Для него это был своего рода ритуал. Он доставал одну сигару из дорогой сигарницы, поджигал её и наслаждался ароматом. Держать сигару в руках, вдыхать её дым — это было сродни медитации. Он не курил, чтобы снять стресс, лишь несколько раз в год, в основном на день рождения дочери и внука. Обычные сигареты Дмитрий Григорьевич почти не курил, только ментоловые, без никотина и табака. Он делал один-единственный затяг, а всё остальное время просто держал сигарету в руках, задумчиво глядя, как она медленно прогорает. Так же курил и Целимир. Он порой даже держал неподожженную сигарету во рту, так и не прикурив, и возвращал её обратно в пачку. Сидя на скамейке в беседке, они оба сделали по одному глубокому вдоху и целую минуту просто наслаждались мятным ароматом, держа сигареты в руках.

— Так о чём же ты хотел поговорить со мной в столь поздний час? — нарушил тишину Дмитрий Григорьевич.

— Мама не в командировке. Она пропала, и не в Китае она, а где-то здесь, в Питере. Я слышал обрывок разговора отца с каким-то типом полгода назад. Я хотел рассказать тебе всё, но ты был слишком занят, а по телефону нельзя — прослушают. Я пытался сам найти маму, но она будто испарилась. Информации — ноль. Когда я напрямую спросил отца, он сказал, что расскажет, где она, только если я смогу найти и подружиться с одной девушкой, — тихим, бесцветным голосом произнёс Целимир.

— И кто же она? «Эта девушка?» — спросил Дмитрий Григорьевич.

— Конкретно, как она связана со всеми этими событиями, я не знаю. Я пробил про нее информацию, прежде чем идти на контакт, и выяснил, что она обычная сирота, два года назад получила квартиру от государства, кстати, в центре города, что удивительно. Я навещал тот приют и узнал, что девочку подкинули еще новорожденной. Ее принес какой-то мужчина ночью, отдал девушке. Сказал, мол, нашел. Дежурная медсестра при приюте осмотрела ребенка и в пеленках нашла записку с именем и датой рождения, — рассказал Целимир.

— Так а как девушку зовут и когда родилась? — спросил Дмитрий Григорьевич.

— Девушку зовут Цецилия, а фамилия, по данным, Борисова. Родилась 10 апреля 2006 года, — ответил Целимир.

— Цецилия, значит… Слушай, Целимир, ты мог бы как-то устроить мне с этой девушкой встречу? Нет, не сразу, как только вы там подружитесь, может, сможешь попросить её о помощи? Ну, там, мне, может, чем-то или просто во время прогулки на пару минут забежать со мной поздороваться? Ну, я думаю, ты что-нибудь придумаешь. А по поводу мамы не переживай, я полицию подключу. Просто раньше сильно не хотел её подключать, но раз твой отец что-то недоговаривает и что-то явно задумал, и это угрожает твоей матери и тебе, то полиция теперь точно не помешает, и частный детектив тоже. Теперь и я вступаю в эту игру без правил, — проговорил Дмитрий Григорьевич.

— Ну зачем тебе Цецилия? — спросил Целимир, не понимая, зачем дедушке Цецилия.

— Прости, Целимир, сейчас не могу точно сказать, я бы хотел сначала всё проверить, чтобы что-то тебе говорить. Но в одном я точно насчет неё уверен: она ценный цветок, намного больше, чем мы думаем, — проговорил Дмитрий Григорьевич задумчивым голосом. — Ну всё, ладно, тебе через четыре часа вставать в универ, так что нам пора спать. А, и еще: ты мне если что не звони, могут и правда прослушивать. Я завтра заеду к тебе в универ, привезу тебе новый телефон, по которому ты будешь звонить только мне, — проговорил Дмитрий Григорьевич серьезным голосом.

— Слушай, а может быть, и завтра, то есть сегодня, и получится у тебя встретиться с Цецилией? Мы с ней должны сегодня пообедать вместе, ты можешь к обеду подъехать? — проговорил Целимир, вспоминая про встречу с Цецилией.

— А что, неплохая идея, так и сделаем, — согласился Дмитрий Григорьевич, пожимая Целимиру руку на прощание.

— Тогда жду тебя к обеду, до встречи, — проговорил Целимир, улыбаясь дедушке.

— До встречи, дорогой, — проговорил Дмитрий Григорьевич.

Целимир вернулся к себе в комнату, а Дмитрий Григорьевич уехал к себе домой. По дороге домой он пытался вспомнить, где же он уже слышал это имя — Цецилия. Почему это имя отдаётся эхом в его голове?

— Цецилия…

— Ха-ха-ха… Папуля, ну ты что, я столько не съем! — посмеиваясь, проговорила девушка.

— Но, Алисочка, но ты же не одна будешь есть, у тебя же есть маленький помощник или помощница в поедании сладостей, — проговорил Дмитрий Григорьевич, поглаживая живот Алисы.

— Помощница, — проговорила Алиса сквозь смех.

— Что ты сказала? — переспросил Дмитрий Григорьевич, продолжая гладить беременную Алису.

— Я говорю, что у меня будет помощница, — ответила Алиса, улыбаясь.

— То есть у меня будет внучка! — радостно воскликнул Дмитрий Григорьевич. — О, божечки, радость какая! Сначала внук Целимир, а скоро будет внучка! — ликовал он. — А имя ты уже придумала? — с нетерпением спросил Дмитрий Григорьевич.

— Да, я хочу её назвать Цецилией, — ответила Алиса.

— Ммм… Целимир и Цецилия, хорошо звучат, — проговорил Дмитрий Григорьевич радостным голосом.

— Папуль, а могу ли я с Целимиром у тебя еще немного погостить? — немного смущенно спросила Алиса.

— Конечно, доченька, это же твой родной дом, ты всегда можешь тут оставаться, когда захочешь, даже можешь не спрашивать, — ответил Дмитрий Григорьевич. — Но, милая, что случилось? Ты с Кириллом поссорилась? — спросил он, беспокоясь, заметив тень печали в глазах дочери.

— Не то чтобы поссорились, просто он уехал в командировку по работе, и мне не очень комфортно находиться практически в пустом доме одной, — ответила Алиса, вздыхая.

— Но это не все, есть еще одна причина, ведь так? — спросил Дмитрий Григорьевич, чувствуя, что дочь что-то скрывает.

— Нет, нет, больше причин нет, — ответила Алиса и прижалась головой к плечу отца. Она не хотела говорить ему, что Кириллу не понравилась новость о том, что у него будет дочь.

Дмитрий Григорьевич чувствовал, что Алису что-то гложет, но выпытывать не стал. Он просто обнял ее крепче, стараясь развеять ее печаль…

— Дмитрий Григорьевич… Дмитрий Григорьевич, мы приехали, — прозвучал голос водителя, нарушая тишину салона.

— А, что…? — вздрогнул Дмитрий Григорьевич, словно пробудившись от глубокого сна, — мы уже приехали? — спросил он, возвращаясь в реальность.

— Господин, мы приехали, можете выходить из машины, — повторил водитель.

— Цецилия… Да ну, не может быть… А вдруг это просто случайное совпадение? А вдруг… нет? — бормотал Дмитрий Григорьевич себе под нос, выходя из машины и направляясь к дому.

Он решил прилечь, дать телу отдохнуть. «Такую новость и ворох воспоминаний нужно переварить как следует», – прозвучала мысль, когда он с головой ушел в мягкие объятия подушки.

Глава 5

«Цена образования»

Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения. Одиннадцать утра.

У Цецилии шла третья пара – «Основы теории журналистики». Она сидела за первой партой у окна, внимательно слушая преподавателя и выводя стройные строчки в тетради. Удивительно, но в век ноутбуков и планшетов лишь она одна вела бумажный конспект. На нее, как и на ее рефераты и доклады, написанные от руки, часто с удивлением взирали и студенты, и преподаватели. Впрочем, у Цецилии не было выбора: техника ей не покорялась, да и позволить себе не могла даже подержанную, поэтому вся ее учебная жизнь проходила по старинке. Педагоги, в большинстве своем, смирились с этим, тем более что почерк у Цецилии был на редкость красив и разборчив. Никаких строгих правил, предписывающих печатный формат, не существовало, а ее работы, как правило, отличались безупречным оформлением: идеальные отступы, ровные строки и абзацы.

Елизавета Марковна Иванова, преподавательница «Истории журналистики» — совсем еще молодая женщина, двадцати восьми лет, но за плечами уже шесть лет педагогического стажа. Четыре года из этих шести, в стенах аудитории, где училась Цецилия, присутствовала и сестра Елизаветы Марковны, Ася – верная подруга Цецилии. Ася, девушка невысокая, с легкой, милой полнотой, которая лишь подчеркивала ее изящные формы, была воплощением живости, доброты и непоколебимой верности правде и справедливости. С Цецилией они были знакомы со старших классов, и Ася давно знала о сиротской доле подруги. Узнала же она об этом случайно, движимая детским, но настойчивым любопытством. Цецилия долго увиливала от прямых вопросов о родителях, но последней каплей стал ее четырнадцатый день рождения, когда нужно было получать паспорт. Ася, одержимая желанием увидеть заветный документ, после нескольких отказов Цецилии, воспользовавшись моментом, без спроса заглянула в паспорт подруги и узнала правду. Цецилия, заметив это, была вынуждена признаться. Асе пришлось извиниться за вторжение в личное пространство и за чрезмерную настойчивость в расспросах. Цецилия быстро простила подругу: зачем обижаться на неуместные вопросы, если Ася не знала, что за ними скрывается?

Елизавета Марковна не раз отмечала, что манускрипты Цецилии, написанные от руки, обладают особой изящностью, несравнимой с аккуратностью компьютерных распечаток. Совершенно иную позицию занимал Алексей Владимирович Жуков, преподаватель «Основ теории журналистики». Он неизменно оставался недоволен работами Цецилии, не в силах, однако, сформулировать причину своего неодобрения. Он лишь ворчал, порой унижая ее при всей группе, называя ее труды «странными» и «неправильными», но избегая конкретики, как бы Цецилия ни старалась понять, в чем суть его претензий. Нередко он доводил ее до слез, обзывая «нищенкой», которой не по карману даже подержанный ноутбук. Одногруппникам насмешки преподавателя были неинтересны; они не видели повода смеяться над Цецилией, ведь жизненные обстоятельства бывают разными, и проблемы у каждого свои, а ситуация Цецилии — не исключение. Тем не менее, в группе нашлась тройка недоброжелателей, которые не раз издевались над ней: то обсуждали ее одежду, купленную, по их мнению, в секонд-хенде, то посмеивались над ее бумажным конспектом. Однако после первого курса и экзаменационной сессии эти трое притихли. Оказалось, что на экзамены разрешалось пользоваться только бумажными конспектами, а такие имелись только у Цецилии и ее подруги Аси. Благо-

даря им вся группа успешно сдала экзамены на «отлично» и «хорошо», за исключением Васи и Гриши, которые получили «удовлетворительно». Эти двое, посещавшие пары в лучшем случае пять раз в год, а то и дважды — как раз к экзаменам, довольствовались тройкой, лишь бы не быть отчисленными. Так они «благородно» держались на плаву уже четыре года.

Всякая поддержка, исходившая от окружающих, наталкивалась на отказ со стороны Цецилии. Тем не менее, не так давно навязчивые подтрунивания со стороны Алексея Владимировича прекратились. Последние три месяца его поведение изменилось: он стал проявлять больше расположения, даже делился ценными указаниями и оказывал содействие в практической работе. Эта трансформация была отмечена как Асей, близкой подругой Цецилии, так и Елизаветой Марковной. Сама же Цецилия, полностью поглощенная учебным процессом, представляла собой типичную «ботаничку», совершенно не обращавшую внимания на происходящее вокруг, особенно на то, что разворачивалось у неё буквально под боком. Она оставалась слепа к тому факту, что сорокапятилетний Алексей Владимирович обратил на неё своё вожделение, а если быть точнее – на её юное, привлекательное тело. Независимо от сдержанности её нарядов, это лишь подогревало его желание.

Пара закончилась. Студенты, словно по команде, стремительно покинули аудиторию, оставив лишь Цецилию, которая спешно что-то дописывала в тетрадь, и Асю, терпеливо ожидавшую ее. Особенно настойчиво она ждала, когда у них проходила пара у Алексея Владимировича. Цецилия не верила предостережениям Аси, считая, что подруге лишь кажется, будто преподаватель проявляет к ней нездоровый интерес. Асе же ничего не оставалось, как присматривать за подругой, зная, какая Цецилия наивная и многое воспринимает буквально. Взрослая девушка, а такая наивная и доверчивая — так всегда говорила Ася Цецилии, когда та без колебаний доверяла людям. Ну неужели в сиротском приюте не научили быть осторожной и не доверять всем подряд? Так про себя думала Ася. Хотя про жизнь в детском доме Цецилия ничего не рассказывала, Ася старалась эту тему не затрагивать, особенно после случая с утерянным паспортом. Да и заметила, что вопросы на эти темы причиняют Цецилии неподдельные страдания. Правда, про что Цецилия охотно рассказывала из жизни в приюте, а точнее, про кого — так это про Евгения, ее лучшего друга с детства. Про этот светлый момент жизни Цецилия рассказывает всегда с искренней улыбкой.

— До свидания, Алексей Владимирович, — прощались студенты, покидая аудиторию.

— До свидания, — вслед ответил Алексей Владимирович. — Ой, Цецилия, вы бы не могли на минутку остаться, я бы хотел поговорить по поводу вашей последней работы?

— Да, конечно, Алексей Владимирович. Ася, не жди меня, я тебя догоню, — произнесла Цецилия, не желая задерживать подругу, ведь Асю всегда после пар ожидал её парень Ваня, с которым она встречалась с первого курса. Но Цецилия ещё не знала, что в этот раз Асю никто не ждал, ведь на выходных Ася рассталась с Ваней, но ещё не успела рассказать эту новость Цецилии.

— Ой, да я тебя подожду, не беспокойся, — возразила Ася, прожигая Алексея Владимировича пронзительным взглядом.

— Иванова, вы можете подождать свою подругу за дверью аудитории, — распорядился Алексей Владимирович.

— Но, Алексей Владимирович, я же просто подожду Цецилию здесь, это ведь не запрещено? — настаивала Ася.

— Послушай, Асинька, может быть, ты отнесешь журнал в преподавательскую, а я к этому времени освобожусь, и мы с тобой встретимся возле входа, — предложила Цецилия, чувствуя надвигающийся конфликт и недоумевая, что заставило Асю так себя вести.

— Ну ладно, но если через десять минут ты не спустишься, я вернусь, — прошептала Ася, уступая и направляясь в преподавательскую с журналом.

Когда Ася ушла, Алексей Владимирович захлопнул за ней дверь и приблизился к Цецилии.

— Алексей Владимирович, так что не так с моей работой? — спросила Цецилия, не понимая происходящего, настороженная тем, что преподаватель закрыл дверь.

— Работа была неплохой, тянет на пятерку, но есть один нюанс, — ответил Алексей Владимирович, делая шаг навстречу.

— В какой работе и какой нюанс? Я вам две работы сдала: по экологии города и про экономику страны, — уточнила Цецилия, чувствуя напряжение и близость преподавателя. Она сделала шаг назад, уперевшись спиной в стоящую позади парту.

— Ой, ну какая экология и какая экономика? Ты что, не понимаешь, чего я от тебя хочу? — произнес Алексей Владимирович, приближаясь и прижимая ее между собой и партой.

— Нет, я вас не понимаю. Что вы имеете в виду? Прошу, отойдите от меня! — произнесла Цецилия, отводя взгляд, сердце колотилось в панике.

— Ой, ну что ты из себя дурочку корчишь? «Не понимаю, отойди» — смешная! — прорычал он насмешливо. — Не ломайся, давай побыстрее решим всё, и пойдёшь. Я тебе за это пятёрку за экзамен поставлю. Можешь на мои пары не ходить, просто сейчас сделаешь мне приятно — и свободна. А когда позову — придёшь, сделаешь, и диплом в кармане, — прошептал он ей на ухо, сильнее вжимаясь телом, не давая пошевелиться, и коснулся губами её шеи.

— Что!? Отстаньте от меня! — выкрикнула Цецилия изо всех сил, резко ударив его коленом в живот.

Алексей Владимирович отшатнулся, схватившись за ушибленное место. Цецилия бросилась к двери, рванула ручку — заперто на замок.

— Ах ты… Раз не хочешь по-хорошему, будет по-плохому, — прорычал он, выпрямляясь.

— Отпустите! Я буду кричать! — закричала Цецилия, молотя по двери кулаками и ногами в отчаянной надежде, что кто-то услышит. Но аудитория ютилась в самом конце коридора третьего этажа, а после третьей пары — последней для многих — университет почти опустел, особенно на этом этаже. Она кричала, он надвигался. Цецилия металась, уворачиваясь, а Алексей Владимирович, догоняя её, уже расстёгивал ремень штанов. Наконец, спустя несколько томительных минут погони по пустой аудитории, он загнал её в угол, прижав к стене. Мощным ударом ноги в живот он придавил её так, что дыхание перехватило от боли, а шевелиться стало невозможно. Одной рукой он сжал её запястья, другой вынул ремень и начал обматывать им её руки, чтобы крепче удержать. Цецилия извивалась, звала на помощь, но крики тонули в тишине — никто не слышал. Вырваться из его железной хватки было нереально, особенно со связанными руками. Когда ремни впились в кожу так, что запястья посинели, он обхватил её за талию и швырнул на свой стол рядом. Одной рукой прижав, другой принялся расстёгивать её джинсы.

— Нет, прошу, не надо, отпустите! — кричала Цецилия во весь голос, еле сдерживая слёзы. — Не делайте этого, прошу, не надо! — она изворачивалась, пытаясь вырваться.

— Лежи ровно, быстрее начнём — быстрее закончим, — проворчал Алексей Владимирович, наконец расстёгивая джинсы и начиная стягивать их с её ног.

— Не надо…

В этот момент раздался внезапный грохот двери.

— Воронов!? — ахнул Алексей Владимирович, уставившись на вошедшего студента. — Что вы здесь делаете? Вас не учили стучаться? — выдавил он, торопливо поправляя брюки, будто ничего не случилось.

— Прости, профессор, но вы же меня знаете — у меня никакого воспитания, — ответил Целимир, еле сдерживая ярость. — А вы чем тут заняты? — добавил он, окидывая взглядом его растрёпанный вид и подходя к столу, где Цецилия пыталась встать.

— Целимир! — выдохнула она с облегчением, наконец разглядев Целимир: в панике она не узнала его голос.

Целимир молча шагнул к ней, плечом оттолкнув Алексея Владимировича в сторону. Он подсадил Цецилию, заглянул в её глаза, полные ужаса, осторожно расстегнул ремень на посиневших запястьях и, подхватив за талию, поставил на пол.

Затем он окликнул Асю и Елизавету Марковну, чтобы они увели Цецилию из аудитории и оказали ей помощь. Ася и Елизавета Марковна, как и договаривались ранее, предавались своей цели. Целимир, так же как и Ася, заносил в предательский журнал и застал их разговор о профессоре Жукове, а также о том, что Цецилия осталась с ним наедине. Целимир, чувствуя неладное, решил расспросить Асю и Елизавету Марковну. Поскольку они беспокоились за Цецилию, они решили рассказать Целимиру о своих предположениях. После рассказа Целимир решил, что нужно всё проверить и, в случае чего, помочь Цецилии. Но лишнего внимания также лучше не привлекать, так подумал Целимир и договорился с девушками, что вмешиваться или вступать в диалог они с Жуковым не будут, а просто, когда он им даст знак, они просто заберут Цецилии, а он сам уже разберётся с Жуковым. На что девушки согласились, правда, с одним условием, что рукоприкладства не будет, ведь и из-за этого может быть ещё больше проблем. На это Целимир пообещал девушкам, что постарается себя сдерживать. И вот Ася и Елизавета Марковна увели Цецилию в коридор.

В коридоре у аудитории Ася пыталась успокоить Цецилию, ведь те слёзы, которые она усердно пыталась сдержать, хлынули наружу. Внутри Цецилии смешались страх и облегчение, делая её состояние шоковым от происходящего ужаса. У неё дрожали руки как от стресса, так и от боли в запястьях. Также у Цецилии были сильные ушибы в полости живота и поясницы, боль которых она пока не могла распознать из-за шока. Ася старалась успокоить Цецилию и параллельно помогла натянуть стянутые джинсы, пока Цецилия стояла как вкопанная и оглушённая.

— Прости меня, что сразу не поверила… прости… — всхлипывала Цецилия, постепенно отходя от ступора.

— Не извиняйся и перестань плакать. Всё уже хорошо. Пойдём в кабинет. У Елизаветы там мы тебя осмотрим, проверим, нет ли ещё каких повреждений, кроме твоих запястий, — проговаривала Ася и, потихоньку вместе с Елизаветой, поддерживая Цецилию, направились в кабинет Елизаветы Марковны.

Тем временем в аудитории…

— Держите, видимо, ваше. Наденьте, а то штаны потеряете — как и профессию, которую уже утратили, — холодно произнёс Целимир, протягивая Алексею Владимировичу ремень, снятый с рук Цецилии.

— Ты о чём? Что значит — потерял профессию? — опешил тот, не понимая, к чему клонит этот наглец.

— А вы после этого собираетесь здесь работать? Не думаю, — парировал Целимир.

— Ты мне угрожаешь, сопляк? Подумаешь, поймал с расстёгнутыми штанами и этой девкой. И что? Я тут не последний человек — одно слово, и вылетите оба из универа! — самодовольно усмехнулся Алексей Владимирович.

— Жуков Алексей Владимирович, это вы меня не поняли. Запомните: вы сегодня вылетите из университета. И нигде больше по специальности не устроитесь, — отрезал Целимир, сверля его взглядом. — А ещё… Я дал слово без рукоприкладства — извинюсь перед девушками. Но жуков я привык давить, особенно таких паразитов, как вы, что позволяют себе такое с девушками. — И с этими словами он размахнулся, врезав Алексею Владимировичу в лицо полной силой: губа лопнула, нос хрустнул, кровь брызнула на костяшки Целимира. Прикрыв окровавленную руку второй ладонью, он вышел, оставив профессора корчиться на полу в одиночестве.

Глава 6

«Что с ним будет?»

Кабинет Елизаветы Марковны. Второй этаж…

В кабинете Елизаветы Марковны царила тихая, умиротворяющая атмосфера. Стол был завален папками с работами, рядом стоял ноутбук, стеллажи ломились от книг, а на стенах висели пожелтевшие стенгазеты. Елизавета Марковна усадила Цецилию на стул напротив письменного стола и достала аптечку. Из неё она извлекла успокоительные таблетки. Видя состояние Цецилии, Елизавета понимала: той нужно успокоиться, чтобы продолжить осмотр. Однако Цецилия не позволяла прикасаться к себе, и единственное, что они могли сделать, — обработать её запястья. Ася же, беспокоясь о возможных серьёзных травмах, помимо синих запястий заметила на футболке Цецилии след от ботинка и предположила, что это мог быть след Жукова — возможно, даже на животе. Когда Ася попыталась поднять футболку Цецилии, Елизавета остановила её. Она понимала беспокойство сестры, но заверила, что резких движений делать не стоит. Елизавета объяснила, что Асе нужно набраться терпения и довериться ей: ей тоже небезразлична Цецилия, но резкие действия могут навредить. Елизавета решила сначала поговорить с Цецилией, а затем оказать ей медицинскую помощь. Успокоительное начало действовать, и Цецилия становилась спокойнее. Елизавета достала мазь от ушибов и начала аккуратно наносить её на синие запястья Цецилии. Она заметила, что при касаниях Цецилия морщилась и тихо постанывала.

— Сейчас будет немного полегче, мазь начнёт действовать, и ты почувствуешь охлаждающий эффект, — проговорила Елизавета, продолжая наносить мазь. — А пока мы с тобой поговорим, — добавила она, подняв взгляд на Цецилию и заметив, что та её слушает. — Скажи, у тебя что-то ещё болит? Может, живот или спина? Может, ноги или что-то ещё? — расспрашивала Елизавета максимально спокойным и монотонным тоном.

— Я не знаю…

— Но как это — не знаешь? — несдержанно воскликнула Ася.

— Ася, ты сейчас выйдешь из кабинета, если будешь давить на Цецилию, — слегка повысила голос Елизавета.

Не успела Ася ответить, как в дверь постучали. Голос Целимира:

— Елизавета Марковна, это я, Целимир. Могу ли я войти? — спросил он.

— Да, заходи, — ответила Елизавета.

Целимир вошёл и подошёл к Цецилии. Присев на корточки возле неё, он положил одну руку на спинку стула, а другую — ей на колени.

— Ну, привет… — тихо поздоровался он. — Тебе не холодно? Вот, надень, а то ты вся дрожишь, — проговорил Целимир, вставая и накидывая на плечи Цецилии свою ветровку. — Так будет теплее. Тем более сейчас по Питеру гуляет майский ветерок, немного прохладно, а у Елизаветы Марковны в кабинете окно открыто. Тебе, видимо, прохладно. «Ты помнишь, ты со мной пообедать идёшь?» — спросил он, снова присаживаясь на корточки и всматриваясь в её голубые глаза, в которых ещё таился след испуга. Он старался говорить спокойно, не касаясь произошедшего, чтобы Цецилии стало немного легче.

— Ты что, с ума сошел? Какой обед после такой ситуации? И вы что, знакомы? — возмутилась Ася.

— Мы вчера познакомились, — ответил Целимир. — И ты думаешь, она теперь есть не должна? Я думаю, что вкусная сладость сможет хоть немного снять стресс. А вы как думаете, Елизавета Марковна? — проговорил Целимир, поворачиваясь к преподавателю.

— Думаю, что маленький антистресс в виде сладости не повредит, — поддержала Елизавета Целимира, заметив его заботливое отношение к Цецилии.

— Лиза, ты на чьей стороне? — выпалила Ася возмущенно.

— На твоей стороне, но Цецилии и правда не помешает отвлечься, — вздохнув, проговорила Елизавета. Она попросила Асю называть её по имени и отчеству, когда она на работе, но поскольку Цецилия знала, что Ася её младшая сестра, а Целимир узнал это случайно давно, то ругать Асю Елизавета не стала. — Ещё стоит спросить у самой Цецилии, что она думает насчет обеда, — добавила она, смотря на смущённую Цецилию.

— Ой, прошу прощения, Цецилия, я должен был у тебя уточнить насчёт обеда. Ведь и правда, после всего, что произошло, с моей стороны было неправильно тянуть тебя на обед, — проговорил Целимир. — Цецилия, ты бы пошла со мной на обед? — спросил он с лёгкой улыбкой в уголках губ, пристально глядя ей в глаза.

— А… честно, я бы не отказалась от обеда, — ответила Цецилия.

— Ну вот и отлично, — проговорил Целимир.

— Ну, раз так, я бы хотела узнать про этого паразитного профессора, пока вы не ушли. «Что с ним будет?» —спросила Ася. — Я надеюсь, его уволят, и ты, Цецилия, заявишь на него в полицию.

— Стоп, что значит, его уволят? Какая ещё полиция и заявления? — воскликнула Цецилия. — Я не буду писать на него заявление и не хочу, чтобы он остался без работы — это ведь как-то не по-человечески, — взволнованно возразила она.

— Цецилия, ты что, серьёзно? — воскликнула Ася, округлив глаза. — Этот тип чуть не изнасиловал тебя! Он заслужил не только увольнение, но и тюрьму. Если не заявишь в полицию, он продолжит охотиться на других девушек. Ты же не хочешь, чтобы это повторилось с кем-то ещё?

Цецилия опустила взгляд, теребя край ветровки. Ей было жалко Алексея Владимировича — в конце концов, он был преподавателем, отцом, может, у него своя жизнь с проблемами. А если его уволят и посадят, что с ним станет? Семья, репутация… Она представила его униженным, сломленным, и сердце сжалось.

— Но… он же не какой-то маньяк. Может, просто сорвался. Увольнения хватит, правда? Полиция — это слишком жестоко.

— Нет, милая, — мягко, но твёрдо вмешалась Елизавета, беря Цецилию за руку. — Ты пережила травму, и твоё сочувствие говорит о твоей доброте, но это не про него сейчас. Это про тебя и твою безопасность. Он перешёл грань, и закон должен ответить. Увольнение — это минимум, оно защитит университет, но полиция защитит общество. Мы все пойдём с тобой, если нужно.

Цецилия сидела, не зная, что ей делать. Она понимала, что Елизавета Марковна, Ася и Целимир правы — он должен быть наказан за своё преступление. Но ей всё равно было не по себе от мысли, что она может разрушить чью-то жизнь.

— Цецилия, послушай, давай поступим так, — мягко оборвал её размышления Целимир, заметив её замешательство. — Из университета он, скорее всего, уйдёт. А насчёт полиции — решишь завтра. Сейчас мы съездим в больницу, зафиксируем побои, возьмёшь справку — на всякий случай. И если ты всё же решишь написать заявление, то в доказательство покажешь эту справку с указанием полученных тобой повреждений. А мы, если потребуется, подтвердим твои слова. И он понесёт заслуженное наказание по закону.

— Я… я согласна, — тихо проговорила Цецилия, голос её дрожал, но в нём уже появилась какая-то решимость. Она понимала, что не может просто отпустить ситуацию, хотя мысль

о суде и разрушенной жизни преподавателя всё ещё вызывала внутреннее сопротивление. — Поедем в больницу.

Когда Цецилия попыталась встать со стула, чтобы идти, её лицо исказила гримаса боли. Она охнула, придерживая живот и поясницу.

— Ох… — её дыхание стало прерывистым.

— Цецилия, что такое? — обеспокоенно спросила Ася, мгновенно подходя к ней.

— Спина… живот… — прошептала Цецилия, морщась. — Я раньше не чувствовала так сильно… шок, наверное, заглушил боль.

Ася и Елизавета переглянулись. Ася, не раздумывая, аккуратно задрала Цецилии футболку. Под одеждой на животе и пояснице проступали обширные синяки — тёмно-синие, с фиолетовыми оттенками, которые явно не были следствием простого ушиба. На животе, чуть ниже рёбер, виднелся след от подошвы. На спине, в области поясницы, тоже расплывались багрово-синие пятна.

— Боже мой, Цецилия! — воскликнула Ася, её глаза расширились от ужаса. — Эти синяки… Ты же говорила, что он тебя ударил ногой в живот, а про спину… Ты не говорила, что он тебя швырнул на стол!

— Я… я не думала, что так сильно… — пробормотала Цецилия, её губы снова начали подрагивать, но теперь это были слёзы боли и осознания масштаба произошедшего.

— Всё, никаких отлагательств, — решительно сказала Елизавета Марковна. — Сейчас же едем в больницу. Не для справки, а чтобы тебя осмотрели, обезболили, сделали УЗИ. Это могло повредить внутренние органы. Ася, вызови скорою или…

— Не надо, — перебил Целимир, доставая телефон. — Мы поедем на машине. Я позвоню дедушке, он рядом. Он отвезёт.

После звонка Целимир подхватил Цецилию на руки и отнес ее прямо к машине. Дедушка последовал за ним, за ними Ася и Елизавета Марковна. Все вместе они поехали в больницу. По пути Целимир вкратце рассказал дедушке, что произошло.

Глава 7

«Странные совпадения»

В больнице Цецилию осмотрели. К счастью, серьёзных внутренних повреждений не обнаружили, но ушибы были тяжёлыми. Врач зафиксировал всё в медицинском заключении: синяки на запястьях, обширную гематому на спине, ушиб передней брюшной стенки.

Пока Цецилия отдыхала после осмотра в палате дневного стационара под капельницей с обезболивающим, рядом с ней сидели Целимир и его дедушка. Ася разговаривала по телефону в коридоре, а Елизавета говорила с врачом по поводу Цецилии и её состояния. Дмитрий Григорьевич сидел напротив койки, где лежала Цецилия. Он рассматривал её издалека — её светлые волосы цвета золотой пшеницы, её небесно-голубые глаза, её черты лица. Во всём этом он находил знакомые черты, от которых ему становилось не по себе. Она очень сильно напоминала его дочь в её юные годы. Его ночные предположения и воспоминания всё больше и больше сходились в одну линию, из-за чего становилась всё более вероятной мысль, что Цецилия — его внучка, которая всё же родилась, но оказалась в детском доме по непонятной причине. Но если всё это правда, то почему так случилось? Знала ли Алиса, что её дочь не умерла при родах? И всё же, где же Алиса? Где моя доченька? — думал про себя Дмитрий Григорьевич, разглядывая Цецилию. Внезапно он вздрогнул, будто его током ударило. Ему пришла в голову мысль: ведь они сейчас в больнице, и это идеальный шанс выяснить хоть какую-то правду. А именно — проверить своё предположение о том, что Цецилия его внучка. Нужно сделать тест на ДНК, но тайно, для самой Цецилии, — размышлял Дмитрий Григорьевич.

— Дедушка, у тебя всё в порядке? Ты внезапно так вздрогнул, будто тебя током ударило, — спросил Целимир, заметив, как Дмитрий Григорьевич вздрогнул, сидя на стуле.

— Ой, да всё хорошо, просто задумался немного, всё в порядке, не беспокойся, — ответил Дмитрий Григорьевич.

— Ой, дедушка, я совсем забыл представить Цецилии тебя… Цецилия, это мой дедушка, Львов Дмитрий Григорьевич, — представил Целимир своего деда Цецилии. — Ну а ты Цецилию уже знаешь.

— Приятно познакомиться, Дмитрий Григорьевич, — проговорила Цецилия, слегка улыбаясь уголками губ.

— Приятно познакомиться, Цецилия. Правда, обстоятельства знакомства неприятные, но не переживайте, его накажут по справедливости. Мне мой внук говорил, что вы не очень желали связываться с полицией, но сожалением о том, что произошло, узнал ректор и уволил его «по статье» за аморальное поведение и применение насилия. Его карьере конец. Дело будет передано в полицию по служебной линии, независимо от вашего желания. Это уже не ваше решение. Это системное, — объяснил Дмитрий Григорьевич. На самом деле это он позвонил вышестоящему должностному лицу, чтобы тот позвонил самому ректору.

Слова Дмитрия Григорьевича заставили Цецилию почувствовать смешанные эмоции. С одной стороны, она испытывала облегчение оттого, что Алексей Владимирович точно больше не сможет причинить кому-либо вред. С другой стороны, она не могла избавиться от чувства вины, ведь именно её решение не писать заявление могло предотвратить дальнейшее развитие событий. Но теперь, когда всё решилось само собой, винить оставалось некого.

— Значит, его уволили… — тихо произнесла Цецилия, отводя взгляд. — А полиция…

— Уволили, да. Теперь этим занимаются полиция и университет, — подтвердил Целимир.

Дмитрий Григорьевич внимательно изучал лицо Цецилии, ища в нём всё новые отголоски облика дочери. Он понял, что упустить такой шанс узнать истину нельзя.

— Дмитрий Григорьевич, простите, но почему вы так на меня смотрите? Я что-то не то сказала или сделала? — спросила Цецилия, чувствуя его изучающий, пронизывающий взгляд.

— Прости, я просто засмотрелся. Ты ничего не сделала, это у меня, видимо, уже старческое, — проговорил Дмитрий Григорьевич, отводя взгляд.

— Но какой же вы старый! — Цецилия рассмеялась, и в её голосе зазвучали нотки искреннего восхищения. — Вам совсем не идёт это определение. Седина, наоборот, словно придаёт вам особую стать, красит вас. А трость… она придаёт такую солидность! — её взгляд зацепился за изящный узор на трости. — Такая необычная, я никогда подобной не видела, с таким дивным орнаментом. Должно быть, это настоящий раритет. Вы мне прямо напоминаете… — она улыбнулась, — Волшебника из страны Оз!

— Волшебника? — Дмитрий Григорьевич удивленно вскинул бровь. — Великого и ужасного, полагаю? — добавил он с иронией.

— Ой, простите, я вас обидела? — Цецилия встревоженно уставилась на него.

— Что ты, ничуть. Мне просто интересно, почему именно волшебник? Не гоблин, не дракон? — Дмитрий Григорьевич с улыбкой смотрел на нее, пытаясь понять ее ход мыслей.

— Ну… Вы ведь не зеленый и противный, как гоблин. И не чудовище, как дракон… Хотя, возможно, добрый дракон? — задумавшись, произнесла Цецилия. — Да, вам бы пошло быть дракончиком, — добавила она тихим, задумчивым голосом.

— А драконы бывают добрыми? — Дмитрий Григорьевич рассмеялся.

— Конечно! Ну, например, тот же Горыныч… — Цецилия начала с энтузиазмом перечислять сказочных добрых драконов.

— Ха-ха-ха, — рассмеялся Дмитрий Григорьевич. — Вот это у тебя познания в сказках! Видимо, любишь читать. В отличие от этого… ворона. Так ты Целимира назвала, причем, даже не зная его фамилию! — он со смехом взглянул на внука.

— Между прочим, это не смешно! Я тоже полюбил читать! — проворчал Целимир, закатив глаза.

— И сколько же их, интересно, прочитал? — насмешливо произнес Дмитрий Григорьевич.

— Сколько нужно, столько и прочитал, — с ноткой недовольства ответил Целимир.

В этот неловкий момент дверь палаты распахнулась, и в нее вошли Ася и Елизавета.

— Ой, Дмитрий Григорьевич, вы еще здесь? Я хотела еще раз поблагодарить вас за помощь, — сказала Елизавета.

— Да не за что, рад был помочь, — ответил он.

— Цецилия, как ты себя чувствуешь? — спросила Ася.

— Мне уже немного легче, капельница с обезболивающим, видимо, действует, — ответила Цецилия.

— Слушай, я тогда повысила на тебя голос, когда ты не могла ответить, что болит. Прости, я просто испугалась за тебя, — Ася заговорила спокойным, примиряющим тоном.

— Ася, ты чего? Я нисколько не обижаюсь. Ты просто беспокоилась за меня, действовала на эмоциях. Всё в порядке, — Цецилия тепло улыбнулась.

Ася облегченно вздохнула и обняла Цецилию. В этот момент живот Цецилии громко заурчал.

— Ой…

— Похоже, обед был отличной идеей, раз кто-то здесь проголодался, — Ася рассмеялась, увидев смущенное лицо Цецилии.

— Ну, нужно ещё немного потерпеть. Врач обещал сейчас зайти и проверить Цецилию ещё раз, и если всё нормально, отпустит домой. И Целимир, как и обещал, может потом угостить Цецилию обедом, да, Целимир? — проговорила Елизавета.

— Ну, конечно, — подтвердил Целимир.

— Ой, если вы не будете против, то я тоже к вам присоединюсь. Я бы тоже поел, а ещё с Цецилией хотел бы пообщаться, — проговорил Дмитрий Григорьевич, подметив, что поход в кафе — отличный шанс незаметно добыть ДНК Цецилии.

Цецилия и Целимир кивнули в знак согласия. В этот момент в палату зашел врач. Он осмотрел Цецилию, убедился, что все показатели в норме, выписал мази для снятия отечности и боли, а также рекомендовал три дня постельного режима.

— Никаких резких движений, никаких нагрузок, — строго наказал он, вручая рецепт.

Цецилия кивнула и забрала рецепт.

После выписки Елизавета и Ася попрощались с Цецилией и отправились по своим делам. Сама же Цецилия, вместе с Целимиром и Дмитрием Григорьевичем, сев в его машину, направилась обедать, а точнее, уже ужинать.

Глава 8

«Тайны прошлого»

В машине Дмитрия Григорьевича…

— Цецилия, чего бы ты хотела поесть? — с целью определиться с местом спросил Дмитрий Григорьевич.

— А вы любите шаверму? — спросила Цецилия.

— Шаверму… ммм… шаверма так шаверма, — Дмитрий Григорьевич задумался, вспоминая, когда последний раз ел это блюдо. — Тогда, Никита, вези нас туда, где можно отведать самую вкусную шаверму! — скомандовал он своему личному водителю.

Через полчаса машина плавно подъехала к небольшому ларьку, у которого уже выстроилась небольшая очередь.

— Никита, куда ты нас привез? Что это за дыра? — возмутился Дмитрий Григорьевич, недоуменно оглядываясь.

— Дмитрий Григорьевич, я привез вас сюда, как вы просили. Это то самое место, где самая вкусная шаверма, — ответил Никита.

— Ой, и правда, здесь очень вкусно! Я с Асей и Женей сюда часто заходили, — подтвердила Цецилия, узнав знакомое место.

— Ну, раз так, тогда ладно, пойдемте, — проговорил Дмитрий Григорьевич, выходя из машины. — Слушай, Никита, держи мою карточку. Купи на всех по шаверме и по напитку. Только вот… — он прошептал что-то Никите на ухо.

— Будет сделано, — проговорил Никита и направился к ларьку.

Пока Никита, следуя распоряжению Дмитрия Григорьевича, занимался заказом еды, он позаботился о шести порциях, ведь хозяин решил, что его подчинённым не помешает подкрепиться. В их число входили сам Никита и двое телохранителей, неизменно сопровождавших Дмитрия Григорьевича, за исключением времени, проведённого в больнице. Никита заказал шесть шаверм, три стаканчика кофе для себя и охранников, а для Дмитрия Григорьевича, Целимира и Цецилии — малиновый смузи. Напитки подавались в пластиковых стаканчиках с трубочками. По особой просьбе Дмитрия Григорьевича, Никита также попросил три разноцветные трубочки.

Тем временем недалеко от ларька Дмитрий Григорьевич, Цецилия и Целимир расположились на лавочке, в ожидании заказа. Цецилия, по просьбе Дмитрия Григорьевича, погрузилась в рассказ о своей жизни: о знакомстве с Асей, о школьных годах, о Евгении и их весёлых приключениях, о любимых книгах, учёбе в университете, встрече с Ярославом и, наконец, с Целимиром. Её повествование лилось живо, энергично, наполненное радостью. Дмитрий Григорьевич и Целимир, слушая её, иногда переглядывались, выражая лёгкое удивление и задумчивость, пытаясь понять, где правда, а где — лишь яркие краски. Впрочем, Дмитрий Григорьевич, будучи проницательным человеком, прекрасно видел, что в словах Цецилии нет ни тени лжи, ни фальши. Вся магия заключалась в её подаче: в интонации, в увлечённости, с которой она делилась каждой деталью. Она была из тех, кого называют болтушками, но от её словоохотливости невозможно было устать. Её речь завораживала, была выверенной и ясной, выдавая в ней начитанную девушку. Дмитрий Григорьевич даже подумал, что её талант убеждать мог бы пригодиться на переговорах, ведь она, несомненно, сподвигла бы любого на подписание любого договора. В этот момент он даже забыл, что сам находится на переговорах.

Лёгкая усмешка пробежала по его губам. Занимательная беседа так увлекла их, что время пролетело незаметно. Вскоре вернулся Никита с заказом, и все с отменным аппетитом принялись за шаверму.

За едой Дмитрий Григорьевич, сам не ожидая этого, задал Цецилии неожиданно личный и глубокий вопрос: как бы она отнеслась к появлению родственников. Цецилия замерла, совершенно не ожидая такого вопроса, тем более от человека, которого знает всего полдня. Вопрос оказался для неё нелёгким. Она перестала надеяться на удочерение ещё в четырнадцатилетнем возрасте. Однако после некоторого раздумья она решила ответить. Почему-то именно Дмитрию Григорьевичу и Целимиру ей хотелось поведать свою правду.

— Честно, я не знаю, как правильно ответить, а точнее, не знаю, как объяснить, — начала Цецилия, едва заметно вздохнув и тщательно подбирая слова в голове. Даже для самой себя ей приходилось подбирать слова, будто она отвечала на свой же, давно мучивший её, вопрос. — Зависит всё от ситуации, по какой причине меня бросили, а затем решили найти. Потому что лично я никого не ищу, а не ищу потому, что боюсь того, что ещё раз могу узнать, что не нужна. И, в принципе, боюсь самого провала в поисках. Но а так, если каким-то чудесным образом у меня появятся родные, то, наверное, я положительно к этому отнесусь, ведь, если честно, мне всегда не хватало семьи… — Цецилия закончила и замолчала, прокручивая в голове весь прошедший разговор. Она не помнила, чтобы хоть раз невзначай упоминала, что она сирота. — Подождите, а откуда у вас появился такой вопрос, ведь я ни разу не упоминала, что я сирота? — спросила Цецилия, внезапно ощутив легкое, но отчетливое напряжение в воздухе.

Дмитрий Григорьевич и Целимир переглянулись. Неловкая пауза повисла между ними, усугубляемая внезапно прозвучавшим вопросом. Дмитрий Григорьевич, привыкший к любым неожиданностям, оказался не готов к такой прямолинейности и искренности. Он почувствовал, как кровь прилила к щекам, ощущая себя пойманным врасплох. Целимир, хоть и был молод, тоже не мог скрыть замешательства, опустив глаза и избегая взгляда Цецилии.

— Понимаешь, Цецилия, я не самый простой человек, как ты уже успела заметить, — начал Дмитрий Григорьевич, придумывая ответ на ходу. — Просто у меня за годы моей непростой работы появилась привычка проверять людей, с кем я общаюсь дольше часа и ем. В частности, я проверяю тех, кто общается с людьми, кто мне дорог, с целью обеспечить им безопасность. Так вышло, что и тебя я проверил, точнее, мои люди собрали информацию о тебе и сообщили мне, — объяснил Дмитрий Григорьевич, чувствуя внутреннее противление своим словам. — Когда я узнал, что ты сирота, мне стало интересно, как бы ты отнеслась, если бы у тебя появились родственники, — добавил он.

Цецилия слушала объяснение Дмитрия Григорьевича, и ее лицо медленно менялось. Растерянность и обида уступили место пониманию, но неприязнь никуда не делась. Сама мысль о том, что кто-то без ее ведома копался в ее прошлом, вызывала отвращение.

— То есть получается, благодаря той самой ситуации, благодаря которой мы с вами познакомились, вы увидели во мне некую угрозу, особенно когда я лежала под капельницей? Вы решили, что я опасна для вас и для Целимира, и решили меня проверить. Но даже если так, это не дает вам никакого права без разрешения копаться в чужой жизни. Это отвратительно и неприятно, — возмутилась Цецилия. — Вы меня совсем не знаете. Каким образом я вообще могла представлять опасность? А я, по сути, не знаю вас, чтобы что-либо сделать. Да, ваш внук помогает мне второй день, сегодня, можно сказать, жизнь спас, за что я ему буду благодарна вечно. Но скажите мне, в какой момент я начала представлять угрозу, чтобы меня проверять? — продолжала возмущаться Цецилия. — Мне было приятно с вами общаться, Дмитрий Григорьевич, и Целимир, большое спасибо тебе еще раз за спасение, а также за еду. Но раз я представляю вам опасность, я больше не смею вас беспокоить, — проговорила Цецилия, аккуратно положив недоеденную шаверму на лавочку и поставив недопитый смузи, затем ушла. Ей было противно и неприятно от сложившейся ситуации, она едва сдерживала слезу.

Дмитрий Григорьевич и Целимир смотрели ей вслед. Они не стали ее догонять, и Дмитрий Григорьевич не отдал приказ телохранителям ее вернуть. Ему самому стало не по себе от всей ситуации, и он не хотел, чтобы все так сложилось. Но рассказывать ей правду, особенно ту, которую они сами не до конца выяснили, было бы неправильно. Конечно, можно было придумать что-то другое, но в тот момент Дмитрию Григорьевичу ничего не пришло в голову. От этого ему самому было противно от себя. Ведь ему было приятно с ней общаться, и даже если бы она по анализам оказалась не его внучкой, ему все равно было бы интересно с ней беседовать. И даже было бы неплохо, если бы Целимир рассматривал ее как возможную невесту. Что-то в ней зацепило Дмитрия Григорьевича.

Целимир сидел и размышлял о том, что сегодня он помог ей по собственной воле, не потому, что так приказал отец, а потому, что сам захотел ее защитить, сам захотел заботиться о ней и общаться с ней — по своей воле, а не по приказу. Конечно, Целимир понимал, что дедушка не специально так ответил, но все равно немного злился на него. Но больше всего его мучил вопрос: зачем дедушка вообще задал тот вопрос про родственников? Ведь если бы он его не задал, ничего бы и не было.

— Зачем ты задал ей такой вопрос? — наконец нарушил молчание Целимир.

— Не знаю, само как-то вышло, понимаешь меня. С момента, как я её увидел, а после нашего того разговора ночью в беседке и моих воспоминаний, меня мучает один вопрос, который мог бы ответить на многие наши общие вопросы, — проговорил Дмитрий Григорьевич, и тут же его осенило. — Поехали, сейчас мы на него ответим, — проговорил Дмитрий Григорьевич, подрываясь с места и беря стаканчик с недопитым смузи Цецилии, вытаскивая из него трубочку.

— Что за вопрос и что ты собираешься с этим делать? — спросил Целимир, не понимая происходящего.

— Поехали в «ДНК центр», я тебе там все объясню, — ответил Дмитрий Григорьевич, беря Целимира за руку и увлекая его к машине, параллельно жестом показывая Никите и телохранителям, что им пора.

Усевшись в машину, они поехали прямиком в «ДНК центр» по адресу: улица Пушкинская, 17, который находился совсем недалеко. Прибыв в центр, Дмитрий Григорьевич с Целимиром сдали анализы и отдали трубку, из которой пила Цецилия — ту, на которой могли остаться ее биологические образцы в виде слюны. Сдав анализы, Дмитрий Григорьевич попросил проверить все как можно быстрее. Лаборанты, однако, смогли предложить лишь прийти завтра утром к восьми часам, заверив, что раньше результата не будет. Дмитрий Григорьевич согласился. После «ДНК центра» Целимир и Дмитрий Григорьевич отправились домой к Дмитрию Григорьевичу, чтобы все обсудить.

Глава 9

«Как я отнесусь к появлению родственников…»

Быстрым шагом шла Цецилия, полностью погружённая в свои мысли и переживания. Её сильно расстроило то, что кто-то без её ведома влез в её личную жизнь, но не меньше мучило и другое: несмотря ни на что, ей хотелось общаться с Целимиром и Дмитрием Григорьевичем. Что-то невидимое тянуло её к ним, вопреки мимолётному знакомству. Она не знала, что делать и как быть в такой ситуации; все эти мысли и недосказанность давили на неё так, что она не находила себе места. В это время позади раздался громкий рёв. От неожиданности она вздрогнула и обернулась. Позади неё стоял мужчина на фиолетовом мопеде, в фиолетовом шлеме. Сам он был одет в рубашку в зелёную и голубую клетку и чёрные штаны, а в тон им — туфли спортивного стиля. Мужчина заглушил мотор, слез с мопеда — высокий, худощавый, — достал из-под сиденья второй шлем и подошёл к Цецилии.

— Садись, подвезу домой, — проговорил мужчина, протягивая ей шлем.

— Я вас не знаю и никуда с вами не поеду, — ответила Цецилия.

Мужчина усмехнулся и приоткрыл шлем, из-под которого блеснули яркие зелёные глаза и озарила лицо лучезарная улыбка.

— А так узнала? — спросил он, не сводя с неё взгляда.

— Я так понимаю, ты не перестанешь меня называть Чеширским котом, — посмеиваясь, проговорил Ярослав, надевая ей шлем на голову, уже не спрашивая.

— Нет, не перестану, — ответила Цецилия с легким смущением, которое скрылось под шлемом. — Ты сам виноват в этом, сам появляешься из ниоткуда и неожиданно, — сказала она.

— Ладно, называй меня так, я не против, если честно. И давай уже садись, отвезу тебя домой, заодно продукты завезу отцу, — сказал Ярослав, помогая Цецилии сесть на мопед.

Так они и поехали. Всю дорогу они молчали, хотя благодаря шлемам можно спокойно общаться, ведь сами шлемы заглушали шум мотора мопеда. Да и сам мопед был не очень шумным, ведь он был электрический. Но всё равно в шлемах были встроены микрофоны, и они были подключены друг к другу через Bluetooth и выполняли функцию как наушники, через которые можно было общаться. Такие шлемы были очень удобны как система безопасности, так и удобны в том случае, если нужно было ответить на звонок или услышать человека, как пассажира. Подъехал к дому Ярослав, так же помог слезть Цецилии с мопеда и припарковал его возле подъезда.

— Цецилия, у тебя всё хорошо? Ты какая-то тихая. Хоть мы с тобой так сильно не знакомы, но за это время, что мы провели вместе, я понял, что молчание — это не твоё. Да и по лицу не скажешь, что у тебя всё хорошо, — спросил Ярослав, снимая шлем с головы Цецилии и заметив, что она какая-то грустная и чем-то озадачена.

Цецилия вздохнула. Она не знала, что ответить, ведь сегодняшний день был не из приятных. Конечно, были и приятные моменты, например, знакомство и общение с Дмитрием Григорьевичем, но в то же время всё закончилось неприятно и с осадком — день сегодня не задался. Много чего произошло, и много нужно обдумать, но я буду в порядке — мысленно подумала Цецилия, слегка поджав губы, пытаясь улыбнуться.

— Не хочешь обсудить за чашечкой чая? Может, я и мой папа тебя выслушаем и сможем дать тебе совет, а если не сможем дать совет или он тебе не нужен, то хотя бы выговоришься, и легче станет, — предложил Ярослав, слегка наклонившись и посмотрев ей в глаза.

— Спасибо за предложение, но я бы хотела побыть одна, — ответила Цецилия.

— Ну, как знаешь. Если что, обращайся. А кстати, вот, возьми мой номер телефона, мало ли что пригодится тебе или, не дай бог, с папой что, — сказал он, протягивая визитку с номером телефона и надписью «Мир книг», а ниже — его имя Ярослав.

— Спасибо за номер и за то, что подвез, — проговорила Цецилия.

— Не за что, обращайся, — сказал Ярослав, заходя в подъезд.

Цецилия решила еще немного подышать свежим воздухом и присела в беседку напротив подъезда. На улице гулял майский ветер, и было прохладно. В беседке были невысокие стенки, но если сидеть, они неплохо закрывали от ветра, и можно было еще немного посидеть и подышать воздухом, размышляя о произошедшем.

Она уселась на лавочку, поджав ноги в коленях и прижав их к животу, ведь там ещё чувствовался ушиб от сегодняшних событий. Да и спина ныла: видимо, обезболивающее переставало действовать, и по-хорошему ей нужно было пойти домой, прилечь, намазать синяки мазью и выпить таблетки, подумала Цецилия. Но она так и не сходила в аптеку и не купила всё, что ей прописал врач. Идти сейчас в аптеку было поздновато: возвращаться по темноте не хотелось. Да и денег с собой в нужном количестве не было, а идти наверх за ними тоже не хотелось. «Может, я смогу перетерпеть», — подумала она, усевшись как можно удобнее, скрестив руки и положив на них голову.

Примерно через час к беседке подошла девушка. Увидев Цецилию, спящую на лавочке, она вздохнула. Это была Ася. Предположив, что Цецилия могла забыть о предписаниях врача, Ася решила купить всё необходимое и занести ей. Не обнаружив подругу дома, она бы оставила пакет на дверной ручке. Обеспокоенная тем, что Цецилия спит на холоде, Ася присела рядом и осторожно коснулась её плеча. Прикосновение показалось ей зловеще холодным. «Не заболела бы ещё», — промелькнуло в голове Аси, и она начала будить Цецилию.

— Цецилия… Цецилия… проснись… проснись… — ласково, но настойчиво будила её Ася.

Во сне Цецилия слышала обрывки фраз: «Как я отнесусь к появлению родственников… семья… мама, папа…». Слова звучали тепло и ласково, обещая защиту и нежное поглаживание. «Я бы хотела это почувствовать», — мелькнуло в сознании.

— Цецилия…

— Меня кто-то зовет… или показалось. У меня ведь никого нет. Я одна… — пробормотала Цецилия во сне, погруженная в свои мысли.

— Цецилия… Цецилия… Цецилия… проснись…

— Неужели кто-то зовет? Если открою глаза, узнаю. Может, я кому-то нужна…

— Цецилия… — ещё более встревоженно звала её Ася.

В этот момент Цецилия открыла глаза. Перед ней стояла Ася. Её губы двигались, но звука Цецилия не слышала, будто мир оглушил её.

— Наконец-то в себя пришла. Цецилия, ты меня слышишь? — спросила Ася, заметив, что подруга смотрит куда-то вдаль, не реагируя на неё.

— Ася… что ты тут делаешь? — наконец выдавила Цецилия, пытаясь сфокусировать взгляд, прижимая руку к виску.

— Цецилия, посмотри на меня, — мягко попросила Ася, убирая руки подруги с её лица. — Скажи, почему ты здесь спишь?

— Я… я не знаю, как так получилось. Просто присела подумать, а потом… видимо, так задумалась, что уснула, — ответила Цецилия, чувствуя себя потерянной.

— Так, давай пойдём домой. Ты вся дрожишь. Там тепло, я сделаю тебе чай, согреешься, а если захочешь, расскажешь, что тебя беспокоит, — проговорила Ася, помогая ей встать. — Я тебе мазь и таблетки купила. Поняла, что ты забыла о предписаниях врача.

— Ммм… — промычала Цецилия в ответ.

В этот момент из подъезда вышел Ярослав. Он был знаком с Асей. Заметив, что Ася помогает Цецилии, он окликнул ее:

— Ася! Что случилось? Давай помогу. Цецилии плохо? — обеспокоенно спросил он.

— Ой, Ярослав! Не мог бы ты взять ее на руки? — попросила Ася.

— Да, конечно, — отозвался он, осторожно поднимая Цецилию. — Четвертый этаж, так?

— Да, а ты откуда знаешь? — удивилась Ася.

— Ну, я немного знаком с Цецилией. Так уж получилось, что она знает моего отца, она его соседка сверху. У него были проблемы со здоровьем, но это долгая история. В общем, за чашкой чая у отца я многое узнал из её рассказов, в том числе и то, что она живёт на четвёртом этаже. Просто решил уточнить, ведь ты её подруга, — объяснил он.

— Ясно, — проговорила Ася.

— Слушай, может, скорую вызвать? Она совсем бледная. Что с ней произошло? — спросил Ярослав, взглянув на лицо Цецилии.

— Думаю, без скорой я смогу справиться. Ей нужно согреться, и, очевидно, её что-то сильно тревожит. А что именно случилось, я сама хочу узнать. Я нашла её спящей в беседке, еле разбудила, — ответила Ася.

Ярослав, держа Цецилию, поднялся на нужный этаж. Ася шла рядом, открывая дверь. Войдя в квартиру, Ярослав осторожно опустил Цецилию на пол, помогая ей пройти к кровати. Ася быстро постелила постель, и они вместе уложили ее. Она была удивительно легкой, почти невесомой, совершенно обессиленной.

— Спасибо, Ярослав, за помощь. Дальше я сама, — поблагодарила Ася.

— Точно больше моя помощь не нужна? — переспросил Ярослав, беспокоясь.

— Точно. Я останусь с ней, — заверила Ася.

— Что ж, ладно. Если что, звони. Ну, или можешь спросить у моего отца, он на этаж ниже живет. Я его попрошу помочь, — сказал Ярослав. — Пока.

— Хорошо, пока, — Ася закрыла дверь и прошла в комнату Цецилии.

Присев рядом с ней на кровать, Ася сказала:

— Сейчас сделаю чай, а потом посмотрим твои ушибы, намажем мазью.

Ася вздохнула и направилась на кухню. Поставив чайник, она решила осмотреть холодильник.

— Мышь, конечно, не повесилась, но и веселья от этих запасов ждать не приходится, — пробормотала Ася, разглядывая скромное содержимое холодильника. — Суп, пожалуй, соорудить можно, но надолго ли его хватит… — проговаривала Ася вслух, доставая продукты для приготовления супа. За частью курицы лежала плитка шоколадки. — Вот если бы шоколадки не было, я бы точно подумала, что это не Цецилиины запасы, — она усмехнулась.

Вынув кое-какие продукты, она проследовала в комнату. Цецилия спала, свернувшись калачиком. Ася прикрыла её пледом и, рассудив, что чай ей пока ни к чему, решила сосредоточиться на варке куриного супа.

Глава 10

«Дед и внук»

Тем временем в кабинете Дмитрия Григорьевича…

Напряжённая беседа разворачивалась между Дмитрием Григорьевичем и Целимиром. Они сидели друг напротив друга в глубоких кожаных креслах. Целимира не покидало ощущение недосказанности, смутное предчувствие сжимало грудь — он был на пределе.

— Дедушка, что происходит? «Зачем понадобился тест ДНК?» —спросил Целимир.

— У меня есть предположение, — медленно произнёс Дмитрий Григорьевич, — что Цецилия — твоя сестра. Моя внучка и дочь твоей матери, Алисы.

— Но мою сестру, насколько я знаю, признали погибшей при рождении, — возразил Целимир.

— Возможно, это не так, — продолжил Дмитрий Григорьевич. — Если всё подтвердится, твой отец сможет влиять на меня и шантажировать. Ведь тогда в его руках окажутся уже три человека, ради безопасности которых я готов на всё.

— Трое? Кто они? — Целимир недоуменно смотрел на деда.

— Если он где-то держит твою мать в заложниках, и тест подтвердится — а я в этом почти уверен, — тогда получается, что в опасности моя дочь, внучка и внук, — Дмитрий Григорьевич понизил голос, пристально глядя на Целимира.

— И что же нам делать? — вновь спросил Целимир.

— Пока не знаю. Нужно дождаться результатов ДНК, а там будем думать дальше, — задумчиво ответил Дмитрий Григорьевич. — Ах да, чуть не забыл, — он достал из ящика письменного стола мобильный телефон и протянул его внуку. — Как и договаривались, здесь сохранён только мой номер. Можешь вбить сюда номер Цецилии. Если понадобится связаться, звони мне только по этому телефону. Его прослушать невозможно, и я для подстраховки установил маячок, так что носи его с собой.

— Спасибо, — проговорил Целимир. — Слушай, дед, а почему ты так уверен, что Цецилия может быть моей сестрой? — спросил он, внимательно глядя на Дмитрия Григорьевича.

Дмитрий Григорьевич слегка вздохнул, откинулся в глубоком кресле, лишь улыбнулся уголками губ и посмотрел на Целимира теплым, доверчивым взглядом.

— Знаю, — ответил он, и больше ничего не добавил.

— Но если ты так уверен, что она мне сестра, а тебе внучка, зачем тогда этот тест на ДНК? — недоуменно спросил Целимир.

— За тридцать шесть лет, что я нахожусь в бизнесе, я понял одно: лишняя бумажка с доказательствами никогда не помешает. Поверь, дорогой, даже если мы с тобой уверены в родстве, для тех, кто не привык верить на слово, важнее всего будет чёткий оттиск на бумаге, — ответил Дмитрий Григорьевич, его голос звучал спокойно, убаюкивающе.

Целимир, услышав вполне удовлетворительный ответ, решил, что и ему пора отправиться на отдых. Тем более что он провел прошлую ночь без сна, да и день выдался нелегким, как эмоционально, так и физически. Да и Дмитрий Григорьевич уже тихонько дремал в кресле. Целимир заботливо укрыл старика пледом, погасил свет в кабинете, оставив лишь мягкое сияние настольной лампы, и направился в свою комнату в доме дедушки.

У Дмитрия Григорьевича был довольно просторный дом, не такой огромный, как у Кирилла Олеговича, но, несомненно, уютный, и для каждого близкого члена семьи здесь была своя комната. Ведь он, в отличие от Кирилла Олеговича, строил дом для семьи, а не для пафоса

и журнальной обложки. Дом Львова Дмитрия Григорьевича был двухэтажный, деревянный, все в нем было выполнено из дерева в самобытном русском стиле. Практически все, от стен до мебели, было из дерева. На первом этаже располагалась кухня, плавно переходящая в просторную столовую, где за одним столом могла поместиться вся их большая семья. Также была гостиная с массивным диваном и креслами напротив, и настоящий камин, который Дмитрий Григорьевич сложил своими руками вместе с отцом, когда тот был еще жив. Далее находилась обширная библиотека, а рядом – кабинет самого хозяина дома. Поднявшись по массивной деревянной лестнице на второй этаж, можно было увидеть расположение спален и комнат. Всего на втором этаже было шесть просторных помещений. Одна комната предназначалась для него и его жены Галины Петровны, одна – для их дочери Алисы, и две – для внуков, одна из которых как раз была для Целимира. Остальные комнаты пустовали. Правда, в самой дальней из них проживала Черепахова Валентина Игоревна, которая служила Дмитрию Григорьевичу в качестве домохозяйки и кухарки, ведь уже десять лет Дмитрий Григорьевич жил один. Дело в том, что Галина Петровна, не найдя в себе сил объяснить причины, покинула дом, оставив короткую записку: «Ты мне наскучил, я еще довольно молода, хочу повидать мир. Не ищи, не пиши мне. С любовью, Галина».

Дмитрий Григорьевич, к своему удивлению, воспринял весть с неожиданным спокойствием. лишь вздохнул тоскливо, прошептав в пустоту: «Я тебя люблю и волю твою приму. Не буду тебя искать и писать, лишь тихо любить и ждать возвращения, но и присматривать за тобой… ты мне не запретишь». И он нанял человека, чьей задачей было наблюдать за Галиной Петровной и докладывать ему о ее жизни. Целью этого не был ревнивый поиск любовника; скорее, это был акт заботы о ее безопасности.

Дмитрий Григорьевич понимал истинные причины ухода жены, и они не были связаны с ссорой или его виной. Несмотря на свою деловую хватку, он всегда находил время для любимой жены и дочери, даже в самые трудные рабочие времена. Деликатная правда заключалась в том, что Галина Петровна, в отличие от глубоко любящего Дмитрия Григорьевича, никогда не отвечала ему взаимностью. Он никогда не настаивал, видя ее холодность, и когда она решилась уйти, он дал ей свободу.

Но даже спустя годы Дмитрий Григорьевич продолжал любить ее, знал, где она, как ее дела, и был готов прийти на помощь в любой момент. Он верил, что однажды она вернется, и его дом вновь наполнится счастьем любимых людей.

Глава 11

«Слёзы очищения»

В квартире Цецилии уже вовсю витал аромат куриного супа, сваренного Асей. Сама же Ася, полулежа на второй половине кровати Цецилии, рядом с подругой, которая спала, нежно поглаживала ее по голове. Внезапно Цецилия зажмурилась, потом открыла глаза. Щипало в ушибленных местах.

— Так, всё, попробуй приподняться, я мазью намажу, легче станет, — скомандовала Ася.

— Что?.. Но я не купила ту мазь, что врач прописал, — проговорила Цецилия, начиная медленно подниматься.

— Знаю, что не купила. И, зная тебя, сама купила и принесла, — вздохнула Ася, беря тюбик с прикроватной тумбочки. Задрав футболку Цецилии и осторожно сняв эластичный бинт, она легкими касаниями начала наносить мазь на поясницу, затем на живот. Убедившись, что мазь впиталась, Ася аккуратно вернула бинт на место и поправила одежду подруги.

— Спасибо тебе, Ась, — прошептала Цецилия, пристраиваясь на бок и кладя голову на колени Аси, лицом уткнувшись в ее живот.

По щекам Цецилии потекли слёзы. Ася, гладя её по мягким волосам, недоумевала: что происходит? Раньше подруга лишь немного хворала, но чтобы до слёз — такого не бывало. Может, боль в спине и животе настолько сильна, что выбивает из колеи? В голове мелькнула мысль вызвать скорую. Но вскоре Ася поняла: её беспокоит не физическая боль, а нечто гораздо более глубокое, гораздо более терзающее.

— Расскажешь, что тебя так тревожит? — спросила Ася, продолжая гладить.

— Ась… — всхлипнула Цецилия, не поднимая лица. Асе пришлось прислушиваться.

— Да, — отозвалась та.

— Я всегда буду одна… — начала Цецилия, поворачиваясь к Асе. Её глаза были наполнены слезами. Она начала говорить, открывая Асе всю тяжесть своей жизни, всё, что терзало её много лет: как она жила в приюте, как часто от неё отказывались. О приюте Цецилия почти не говорила, особенно об этих моментах, и вообще не делилась тем, что причиняло ей боль. Но сегодня сдерживаемое ею многими годами рухнуло. Она отдала Асе все свои переживания, всю накопленную боль, включая вопрос и проверку Дмитрия Григорьевича. Ася слушала молча, понимая, что в этот момент её главное предназначение — дать подруге выговориться.

Ася ничего не сказала. Она лишь продолжала гладить Цецилию по голове, ощущая, как дрожат её плечи. Слезы текли по щекам Цецилии, впитываясь в футболку Аси. Она никогда не видела свою подругу такой беззащитной, такой сломленной. Слова, слетавшие с губ Цецилии, были подобны долго назревающему нарыву, который наконец прорвался. Ася осознавала, что физическая боль от ушибов была лишь малой частью страданий Цецилии. Это была боль одиночества, исходивший из самого детства страх быть покинутой.

— Ну-ну, всё, прекрати плакать, — проговорила Ася, когда Цецилия замолчала и снова уткнулась лицом в Асю. — Ты в любом случае не одна, у тебя есть я, и я никуда не уйду… Слышишь… я рядом… Посмотри на меня, — проговорила Ася, сама поворачивая лицо Цецилии к себе, вытирая её слёзы. — Ну вот, видишь, я здесь, и я рядом, — проговорила Ася, смотря в её заплаканные глаза.

Ася продолжала гладить Цецилию, её рука двигалась медленно и успокаивающе. Цецилия, уткнувшись в неё, всё ещё всхлипывала, но эти всхлипы становились тише, перемежаясь

с глубокими, прерывающимися вздохами. Боль в её теле, казалось, отступила на второй план, уступив место всепоглощающему опустошению.

— Ты не одна, — повторила Ася, но слова звучали теперь не столько как обещание, сколько как констатация факта. Она чувствовала, как тело Цецилии напрягается и расслабляется в её объятиях, словно пытаясь переварить обрушившуюся на неё правду.

— Я знаю, — наконец прошептала Цецилия, её голос был слабым и дрожащим. — Но… это так больно, Ась. Даже зная, что ты рядом… мне всё равно так страшно.

Ася ничего не ответила. Она просто крепче обняла Цецилию, позволяя ей почувствовать себя в безопасности, насколько это было возможно в данный момент. Она понимала, что её присутствие — это лишь временное облегчение, а не полное исцеление. Боль одиночества, боль от отказов — это те раны, которые не залечить одним мазком мази или ласковым словом. Нужно время. Много времени. И, возможно, помощь, которую Ася пока не могла ей дать.

— Сейчас ложись спать, ты устала и уже поздно, — сказала Ася, осторожно помогая Цецилии устроиться обратно на кровати. — Отдохни. А я буду здесь. Просто буду рядом.

Цецилия не спорила. Она легла, прикрыв глаза, но её дыхание оставалось прерывистым. Ася села рядом, её взгляд был устремлён на лицо подруги, на котором отражалась вся тяжесть пережитого. Она не знала, как помочь дальше, но знала одно — она не уйдет. Через некоторое время Цецилия всё же смогла уснуть, обхватив руку Аси, которая всё это время лежала рядом.

Глава 12

«Чёртовы китайцы!»

Дом Кирилла Олеговича…

Четыре часа утра. В кабинете, за столом из красного дерева, склонился мужчина в темно-бордовом костюме. Он сосредоточенно выводил строки в блокнот, время от времени вводя данные в компьютер. Его пальцы, слегка касаясь чёрных с проседью волос, почесывали макушку. На среднем пальце левой руки, сжимающей ручку, блестело кольцо-печатка из белого золота, чьё основание украшали узоры, напоминающие шипы розы. Внезапно раздался трезвон телефона. На экране высветилось имя: Чжоу Сяо. Кирилл Олегович с колебанием провёл пальцем по экрану и ответил.

— Да, — произнёс он по-китайски.

— Господин Воронов, мы больше не можем её удерживать. Вы два месяца не платили. Мы вынуждены расторгнуть контракт и отпустить её. Кроме того, вы нам должны, господин Воронов, — проговорил Чжоу Сяо с той стороны.

— Нет, вам нельзя её отпускать. У нас договор, — недовольно возразил Кирилл Олегович.

— Господин Воронов, мы профессионалы. У нас с вами договор: вы платите — мы исполняем. Нет денег — нет договора, нет исполнения. Мы два месяца работали бесплатно. Вы и так нам должны значительную сумму. Мы больше не намерены ждать. Сегодня мы её отпустим. У вас есть время до шести вечера по московскому времени, не более. Опоздание на минуту — и она на свободе, — спокойно и монотонно произнёс Чжоу Сяо, прерывая связь.

— Чёртовы китайцы! — гремя от ярости, выкрикнул Кирилл Олегович, метнув телефон в стену.

Глоток коньяка, стоявшего на столе, немного усмирил бушевавшую в нём ярость. Кирилл Олегович открыл ноутбук, взглянул на вкладку с личными счетами: чуть меньше десяти миллионов рублей. Этой суммы катастрофически не хватало, чтобы покрыть долг перед наёмниками за удержание жены, проценты за просрочку, а тем более – оплатить её дальнейшее пребывание в Китае. Подобно паутине, долги оплетали его со всех сторон, и казалось, этому сплетению не будет конца.

Кирилл Олегович унаследовал семейный бизнес от отца – Воронова Олега Луциевича . Отец ушёл из жизни в шестьдесят девять лет, в тот злосчастный зимний вечер, когда скользкая дорога и потеря контроля стали причиной трагедии. Его машина, вылетев на встречную полосу, не столкнулась с другим автомобилем, который успел увернуться, а врезалась в столб. Рухнувший деревянный столб, будто приговор, разбил лобовое стекло, и несколько осколков, вонзившись в шею, задели сонную артерию. Олег Луциевич погиб мгновенно. Это было тринадцатое января 2017 года.

Трагическая гибель свёкра Дмитрия Григорьевича показалась ему подозрительной, и он настоял на расследовании. Не верилось, что его друг, боевой товарищ и свёкор, мог потерять управление на дороге. Особенно учитывая, что Олег Луциевич был мастером экстремального автоспорта. Дмитрий Григорьевич был убеждён: авария была подстроена. Не верил он и в неисправность автомобиля. Олег Луциевич относился к своим машинам с такой трепетной любовью, что многие шутили: если бы машины могли чувствовать, он бы водил их на свидания.

Расследование подтвердило исправность автомобиля. Однако в теле Олега Луциевича были обнаружены следы алкоголя. Это стало основанием для вывода следствия: водитель был

нетрезв, что в условиях скользкой дороги привело к аварии. Дмитрий Григорьевич был возмущен, зная, что Олег Луциевич никогда не употреблял алкоголь и тем более не садился за руль в состоянии опьянения. Его требование дополнительного расследования было отклонено. Полиция сослалась на отсутствие оснований и достаточных доказательств версии заказного убийства. Следователь сухо заключил: «Алкоголь в крови, скользкая дорога — всё объясняет. Ваши подозрения, при всем уважении, не являются доказательствами. К тому же, Дмитрий Григорьевич, вы не являетесь близким родственником. Право требовать повторного расследования принадлежит семье, согласно закону.»

Отказ был окончательным. Для полиции дело было закрыто.

Дмитрий Григорьевич пытался уговорить Кирилла, как сына, потребовать повторного расследования. Но тот ответил, что полностью согласен с полицией и не желает тревожить память покойного отца. В свою очередь, Кирилл попросил тестя больше не возвращаться к этой теме.

Спустя время после похорон Кирилл вступил в права наследника. Ему достался обширный автопарк и процветающий автомобильный бизнес, принадлежавший Олегу Луциевичу. Семья занималась не только продажей автомобилей, но и производством: в их собственности находились два завода. Один специализировался на выпуске спортивных моделей, другой – на стандартных автомобилях. Олег Луциевич также был страстным коллекционером редких экземпляров, включая как старинные, так и современные редкие машины.

Весь бизнес перешел к его сыну Кириллу Олеговичу. Коллекция автомобилей, однако, досталась Дмитрию Григорьевичу, лучшему другу Олега Луциевича. В дополнение к коллекции, Дмитрий Григорьевич получил тридцать процентов акций компании «Авто-Путь» и личное письмо от покойного друга, которое до сих пор лежало в столе, нераспечатанным. Дмитрий Григорьевич никак не решался вскрыть конверт от друга, ушедшего из жизни девять лет назад.

Кирилл же испытывал глубокое недовольство тем, что тестю отошли значительные доли в компаниях и ценная автомобильная коллекция, продажа которой могла бы обеспечить ему безбедное существование на столетия. Он часто вступал в споры с Дмитрием Григорьевичем, касающиеся этого наследства. Недовольство усиливалось и тем, что Дмитрий Григорьевич, как акционер, активно вмешивался в дела компании Кирилла, участвуя в собраниях и голосованиях, а также нередко давал непрошенные советы по управлению бизнесом. Однако по настоятельной просьбе дочери, Алисы, жены Кирилла, Дмитрий Григорьевич прекратил прямое вмешательство, ограничившись лишь редким посещением собраний акционеров.

Кирилл, склонившись над ноутбуком, тщетно пытался обнаружить на своем счету недостающие суммы, необходимые для оплаты наемников, которые должны были удерживать Алису. Денег катастрофически не хватало. Осознав невозможность прежнего плана, Кирилл решил, что Алису следует отпустить, а затем он наймет русских наемников. Этот вариант представлялся ему более доступным, особенно если речь шла о его давних приятелях, братьях Зайцевых – Сергее и Василии. Их прозвище пошло от фамилии, и именно так их знали в кругу их молодых друзей. Братья Зайцевы имели за плечами тюремный срок, обстоятельства которого были известны лишь Кириллу. Именно он смог добиться их освобождения под залог, за что они испытывали к нему глубокую признательность и были готовы помочь в любой ситуации. Вспомнив об этом, Кирилл не замедлил немедленно набрать номер одного из братьев, и, дождавшись ответа, назначил встречу.

Устроившись в кресле, Кирилл решил выпить еще несколько стаканчиков коньяка, обдумывая новое место для содержания Алисы в качестве заложницы и планируя свои дальнейшие действия.

К девяти утра в квартиру Цецилии раздался звонок. Дверь распахнула Ася — после вчерашнего Цецилия все еще спала. Все утро Ася решила провести с подругой, отказавшись идти

на пары. Заранее попросив Елизавету прикрыть ее, ведь именно она вела все три сегодняшние лекции у их группы. За дверью стоял Евгений.

— Ася, — удивлённо произнёс он, остановившись на пороге. — Доброе утро. Что ты здесь делаешь? И где Цецилия?

— Тише, доброе утро. Проходи, я всё объясню, — Ася пропустила Евгения внутрь.

Рассевшись на кухне за чашкой чая, Ася в общих чертах поведала Евгению о случившемся, объяснив, что Цецилия ещё спит и ей не помешает отдых. Услышав рассказ, Евгений вскочил со стула, обуреваемый гневом на преподавателя.

— Угомонись и сядь. Что ты собираешься делать, если всё уже решено? Его уволили, забрала полиция. Здесь кулаками махать не стоит. Лучше подумай, как порадовать Цецилию, отвлечь её от этих мыслей, — Ася взглянула на взволнованного блондина с карими глазами.

— Не знаю, — растерянно произнёс Евгений. — Может, нам всем втроём куда-нибудь выбраться? Мы ведь давно никуда не выбирались. Я мог бы посоветоваться с родителями. Если они не против, может, после экзаменационной недели, которая уже через семь дней, поедем на дачу? Там можно пожарить шашлыки, подышать свежим воздухом, отдохнуть от городской суеты. Есть бассейн, можно искупаться, если погода позволит, или съездить на озеро Коркинское.

— Хм, а ведь неплохая идея, — Ася задумалась. — Было бы здорово, если бы с родителями удалось договориться. И, если позволят, можно позвать кого-нибудь ещё. Компанией веселее.

— А кого бы ты позвала? — с интересом спросил Евгений.

— Ну, можно было позвать мою сестру Елизавету с её молодым человеком. Ещё можно позвать Целимира, хоть Цецилия на него немного злится после вчерашнего разговора, а точнее на его дедушку, но можно позвать, — проговорила Ася.

— Целимир — это тот парень, что помог вам спасти Цецилию от профессора? — переспросил Евгений.

— Да, — подтвердила Ася.

— Было бы здорово с ним познакомиться, — проговорил Евгений.

— Думаю, ещё успеешь, — улыбнулась Ася.

Тем временем, пока Ася и Евгений продолжали беседовать и придумывать, как порадовать Цецилию, Дмитрий Григорьевич и Целимир направились в «ДНК-центр» за ответом, который мог изменить всё. Приехав в центр, они направились в кабинет, где выдают результаты. Их встретил врач-генетик Антон Антонович. Он лично делал тест для Дмитрия Григорьевича и Целимира и лично решил выдать его им.

— Итак, Антон Антонович, каковы вести? — голос Дмитрия Григорьевича звучал напряжённо, пока он усаживался напротив врача.

— Вот, держите, прочтите сами. Если что-то останется неясным, я поясню, — произнёс Антон Антонович, протягивая им два аккуратных конверта.

Взяв в руки конверты, Дмитрий Григорьевич и Целимир принялись читать написанные результаты анализа ДНК. У обоих в ответе было указано, что Цецилия является их кровной родственницей. Дочитав, они переглянулись. У Дмитрия Григорьевича на губах появилась мягкая, удовлетворённая улыбка — он был рад, что его предположения оказались верными, и Цецилия действительно его внучка. На лице же Целимира отразилось лёгкое удивление от увиденного, и в глазах его появилось ещё больше вопросов, на которые он хотел бы получить ответы.

— Ну что, всё ли понятно? — переспросил Антон Антонович, внимательно наблюдая за ними.

— Вроде бы всё предельно ясно, но не будете ли вы так любезны зачитать результаты ещё раз? Так, для полной уверенности, — произнёс Целимир, словно желая услышать подтверждение из уст доктора.

— Конечно, — ответил Антон Антонович и зачитал текст, подтверждая сказанное на бумаге. Слова звучали так же, как и прочитанные ими строчки, развеивая любые сомнения.

Поблагодарив врача за помощь, Дмитрий Григорьевич и Целимир покинули «ДНК-центр». В машине, когда первые волны эмоций схлынули, Целимир, обращаясь к дедушке, спросил о дальнейших шагах. Дмитрий Григорьевич, погружённый в размышления, отвечал, что ему нужно всё тщательно обдумать, найти способ исправить прошлые ошибки в общении с Цецилией. Ведь их последний разговор оставил горький осадок, и теперь, когда связь между ними подтвердилась, исправить это становилось первостепенной задачей.

— Сегодня должен связаться мой человек из полиции, который ведёт дело о пропаже твоей мамы. Посмотрим, что нового он сможет сообщить. А Цецилию пока не будем беспокоить. Я не уверен, что она захочет с нами говорить, особенно со мной, — произнёс Дмитрий Григорьевич. — Подождём, пока она окрепнет. Врач сказал, ей нужен отдых. Она должна прийти в себя. А тебе, Целимир, следует сблизиться с её близкими друзьями, с Асей и её сестрой Елизаветой. Может быть, через них удастся наладить контакт. — Он вздохнул, вновь возвращаясь к болезненной теме. — Боже, что же я наделал, задав ей тот вопрос! Я так её расстроил, что теперь и не знаю, захочет ли она общаться со мной вновь.

— Знаешь, дедушка, — проворчал Целимир, закатывая глаза, — мне не нравится эта ваша с отцом общая черта: почему вы создаёте проблемы, а решать их должен я? Я ведь даже не ссорился с ней.

— Не сравнивай меня с ним, — ответил Дмитрий Григорьевич, бросив на внука недовольный взгляд.

— Ладно, ладно, — смягчился Целимир. — Поговорю с Асей. И с Цецилией тоже. Сестра же, надо налаживать отношения, — произнёс он, постепенно смиряясь с открывшейся правдой.

— Старайся, но пока ничего ей не говори. Ни о родстве, ни о том, что ты её брат, а я — дедушка, — предупредил Дмитрий Григорьевич.

— Хорошо, — кивнул Целимир.

— Никита, вези меня в офис. Мне нужно поработать. А Целимира — в университет, — распорядился Дмитрий Григорьевич, постучав по внутренней звукоизолирующей перегородке.

— Как скажете, господин, — отозвался Никита, заводя машину.

Глава 13

«Властелин финансов и китайская тайна»

Завезя Целимира в университет, Дмитрий Григорьевич направился прямиком в «Рубльбанк», в главный филиал. Именно здесь располагался его офис. Как владелец одного из крупнейших банков России, Дмитрий Григорьевич основал «Рубльбанк» еще в молодости. Он вложил немало сил и труда в свое детище, и вот уже тридцать лет, как распахнулись двери первого филиала. Тогда он без устали трудился, чтобы за эти три десятилетия сеть «Рубльбанка» разрослась до ста с лишним филиалов и тысячи отделений. Ныне «Рубльбанк» гордо занимал третье место по активности в стране и второе – по надежности. Дмитрий Григорьевич лелеял надежду, что уже через пять лет его банк впишет свое имя на вершину рейтингов, став флагманом российского банковского сектора.

Войдя в просторный офис, Дмитрий Григорьевич увидел своего помощника, Князева Глеба Богдановича. Тридцатишестилетний мужчина, невысокого роста, с чуть полноватой фигурой, он приковывал взгляд своим безупречным светло-серым костюмом и белоснежной рубашкой. Короткая стрижка, каштановые волосы, светло-карие глаза – все в его облике говорило о внутренней собранности. Однако на ушах мерцали слуховые аппараты. У Глеба были проблемы со слухом, и из-за этого многие двери перед ним захлопывались с безжалостной фразой: «Зачем нам глухонемой сотрудник?» А вот Дмитрий Григорьевич, напротив, сказал: «Глупцы! Неужели они не видели, какой бриллиант они упускают? Глухота – это не приговор, особенно если человек умен и проницателен». И он оказался прав. После трехмесячного испытательного срока, в течение которого, к слову, никто, кроме Дмитрия Григорьевича, не решился взять Глеба на временную работу, стало очевидно, насколько ценен этот сотрудник.

Его глубокие знания компьютерных программ, в особенности банковских, позволили ему создать революционную разработку для «Рубльбанка». Потрясенный Дмитрий Григорьевич тут же предложил ему постоянное место. Первым заданием для Глеба стало воплощение его гениальной идеи в жизнь – создание полнофункциональной банковской программы. Так, под чутким руководством Дмитрия Григорьевича, Глеб стал ведущим банковским программистом, а затем, пройдя череду повышений квалификации, превратился в признанного эксперта по информационным системам и технологиям в банковской сфере. Еще через несколько лет Дмитрий Григорьевич сделал Глеба своей правой рукой. Теперь, в отсутствие основателя, Глеб, как его верный заместитель, полностью брал на себя управление банком. К этому времени, благодаря солидной зарплате, Глеб смог позволить себе не только новейшие слуховые аппараты, но и услуги логопеда. Раньше из-за проблем со слухом общение давалось ему с трудом, и он в основном полагался на специальную программу в телефоне, озвучивающую напечатанный текст. Сейчас Глеб говорил куда лучше, пусть и немного медлительно, с трудом выговаривая длинные слова, но все же вполне справляясь.

Дмитрий Григорьевич не обращал внимания на эти мелкие особенности, видя, как блестяще Глеб выполняет свои обязанности. Те, кто давно служил Дмитрию Григорьевичу, с шипением и завистью воспринимали назначение Глеба. Для них он так и оставался «глухой выскочка». На что Дмитрий Григорьевич отвечал: «А вам что мешало проявить себя? У вас ведь нет никаких преград, но этот человек, несмотря на свой недуг, с первого раза слышит суть задачи, в отличие от вас, у кого в одно ухо влетает, а в другое вылетает. Так что сидите тихо и наблюдайте, как этот "глухой выскочка" идет вверх. Он еще далеко пойдет, в отличие от вас».

— Добрый день, Дмитрий Григорьевич, — раздался голос Глеба, с лёгкой, но приятной хрипотцой. Эта хрипота была не признаком простуды, а его естественной особенностью.

— Здравствуй, Глеб, — отозвался Дмитрий Григорьевич. — Ну что, пойдём ко мне в кабинет? Расскажешь, как у нас шли дела в моё отсутствие, как справлялись, — добавил он, направляясь к своему кабинету и кладя руку ему на плечо. Глеб, ещё на полпути к кабинету, уже начал свой подробный рассказ о жизни банка.

Пока Глеб отчитывался перед Дмитрием Григорьевичем о делах в «Рубльбанке», в это время в Китае, в самой глуши деревни Хуанган, в небольшом деревянном домике, в одной комнате за письменным столом сидела молодая женщина. На ней было тёмно-изумрудное ханьфу с берёзовыми и белыми вставками. Её золотисто-пшеничные волосы были аккуратно собраны и разделены на две части, завязаны шёлковой ленточкой в тон одежде. Женщина сидела ровно, слегка закатав рукава, чтобы не испачкать плотный листок бумаги. Макая кисть в чернила, она выводила китайские иероглифы, стараясь как можно аккуратнее и правильнее изобразить знак. Закончив, она осторожно положила кисть, и когда иероглиф немного подсох, так, чтобы лист можно было поднять, не смазав, она взяла его и повернулась. На диванчике сидел мужчина в синем ханьфу.

— Господин Цай Сию, взгляните, — обратилась она на китайском к мужчине, протягивая ему листок.

Цай Сию взял работу, внимательно рассмотрел иероглиф и похвалил: — У вас хорошо получается, госпожа Алиса. Попробуйте теперь вот этот иероглиф. Смотрите, как правильно, а потом повторите рядом с ним, — произнёс он, вставая и подходя к столу. На отдельном листке он изобразил несколько иероглифов. — Вот, попробуйте повторить.

— Господин Цай Сию, что значат эти иероглифы? — спросила Алиса, прежде чем приступить к письму.

— Судьба, — ответил он. — Попробуйте произнести.

Алиса попробовала произнести на китайском значение иероглифа, и практически с третьего раза у неё получилось. Затем она несколько раз тренировалась, пока не освоила идеальное произношение и написание новых знаков. Только после этого она аккуратно перенесла иероглифы на свой листок и снова показала работу Цай Сию.

— Хорошо получилось. А теперь произнесите все изображённые иероглифы вслух, — попросил он.

Алиса произнесла, и у неё получилось: «цветок судьбы».

— Правильно получилось, господин Цай Сию? — переспросила Алиса.

— Да, вы молодец, хорошо у вас получается, госпожа Алиса. Как думаете, что это значит? — спросил он.

— Я думаю, что как и у человека, так и у цветка есть своя судьба, — ответила Алиса.

— Да, у каждого есть своя судьба. Даже нас с вами связала судьба. С одной стороны, мне ужасно жаль, что именно при таких обстоятельствах мы с вами познакомились и мне приходится держать вас силой. Но, возможно, при других обстоятельствах мы бы с вами не встретились, госпожа Алиса, и мне бы не удалось с вами пообщаться. Вы очень мудрая женщина, Алиса, у вас сильный характер. Поэтому, с другой стороны, за всё это время, что мы вас держим, госпожа Алиса, мне будет жаль вас отпускать. У меня больше не будет такой прекрасной ученицы и собеседницы, — проговорил Цай Сию с печалью в голосе.

— Простите, господин Цай Сию, вы сказали, что меня отпустите? Мне же не послышалось? — переспросила Алиса.

— Да, вы меня правильно услышали. Мы вас сегодня отпустим домой, в Питер, — подтвердил он. — Ваш муж задолжал нам крупную сумму денег, и держать вас мы больше не можем. Сегодня вечером мы вас отвезём в аэропорт и посадим в самолёт. А сейчас, госпожа Алиса, в последний раз отобедайте с нами и выпейте чаю, — проговорил Цай Сию.

— Да, конечно, господин Цай Сию, я пообедаю с вами, — проговорила Алиса.

Цай Сию, подав руку Алисе, вместе с ней направился в столовую. Там уже был накрыт стол с различными блюдами. Сам Цай Сию, по своему статусу, сел во главе стола, рядом с собой он посадил Алису. С другой стороны стола рядом сел Чжоу Сяо. После них по статусу сели все остальные. Всего за столом сидело семь человек.

Цай Сию был главой банды наемников, группа, которая сама себя называла «Цветущий Дракон». До его появления существовал «Кровавый Дракон». Это название родилось из-за того, что группировка в основном занималась заказными убийствами, причем зачастую столь жуткими, что даже самим участникам банды было страшно вспоминать эти деяния. Но время текло неумолимо: прошло более двадцати лет. Многие члены банды были пойманы полицией, а многие и вовсе ушли в лучшие миры — кого-то убили, кто-то умер своей смертью, но точных причин не знал никто. Еще через пять лет о «Кровавом Драконе» почти все забыли. Однако спустя десятилетие появилась новая группировка под названием «Дракон», которую возглавил Цай Сию. Под его руководством они стали новой силой наемников, но при одном важном условии: на убийство они никогда не соглашались, и требовалось наличие письменного договора, четко регламентирующего все условия. Их нанимали для самых разных целей: в качестве телохранителей, для поиска пропавших людей. Они могли как нагнать страху, так и прийти на помощь — все зависело от пожеланий заказчика и его кошелька Слух о столь необычной группировке разнёсся по всему Китаю, привлекая внимание многих. Однажды, совершенно бескорыстно, «Дракону» довелось помочь одной маленькой девочке найти её потерянных родителей. Когда радостная девочка спросила имена своих спасителей, Цай Сию скромно ответил: «Дракон». Но в тот миг на улицы обрушился порыв ветра, усыпавший его голову лепестками цветущей сакуры. Девочка, залившись смехом, воскликнула: «Цветущий Дракон!» Таким именем, подхваченным всеми вокруг, и закрепилось за ними прозвище, ставшее их отличительным знаком.

Один из нестандартных заказов поступил от Кирилла Олеговича. Он нанял "Цветущий Дракон" для похищения своей жены Алисы, заключив с ними договор. Главным условием Кирилла Олеговича было полное отсутствие связи у Алисы и гарантия ее физической неприкосновенности. Стоит отметить, что "Цветущий Дракон" и так не был склонен к причинению вреда, тем более женщине и ребенку. Была оговорена сумма выкупа, и условие: в случае невыплаты, пленница освобождается, а долг удваивается.

Похитить Алису оказалось делом техники. Она прибыла в Китай с целью написать статью о новейших технологиях, что сделало ее легкой добычей. На одной из выставок, где демонстрировались последние достижения в области инноваций, Алиса, как представитель российских журналистов, присутствовала в качестве приглашенного гостя. Ее роль заключалась в том, чтобы передать России информацию о передовых китайских разработках. Приглашение на выставку ей прислал Чжоу Сяо, директор компании «Технодом», чья продукция – разнообразные устройства для «умного дома» – также была представлена на выставке. Имея право пригласить ограниченное число гостей, он протянул приглашения небольшой группе лиц, среди которых были и господин Цай Сию, и Алиса.

После выставки Алисе очень понравились технологии, представленные «Технодомом», и она попросила о дополнительной встрече с Чжоу Сяо, чтобы взять у него интервью для своей статьи. Директор компании любезно согласился и назначил встречу в главном офисе «Технодома». Встреча прошла успешно, Алиса получила всю необходимую информацию. После интервью с Чжоу Сяо она должна была отправиться в аэропорт, чтобы вернуться домой и, опираясь на собранные сведения, написать статью. Однако после интервью Чжоу Сяо предложил Алисе свой автомобиль с водителем, указав, чтобы тот отвез ее, куда она пожелает. Алиса сообщила водителю, что ей нужно забрать вещи из отеля. Он отвез ее туда, Алиса благополучно собрала багаж и после отеля направилась в аэропорт.

Приставленный водитель, по указаниям Чжоу Сяо, ожидал Алису, чтобы отвезти её туда, куда она попросит, и, как она и рассчитывала, в аэропорт. Но, к её несчастью, он заблокировал двери машины и, вместо аэропорта, отвез её из Пекина, где проходила выставка и все её встречи, в деревушку Хуанган. Именно там она и познакомилась с господином Цай Сию, который и раскрыл ей правду: она была взята в заложники по просьбе её мужа. Встреча после выставки была подстроена, и, как отметил сам Чжоу Сяо, ему самому была интересна эта беседа, он также подчеркнул, что у Алисы неплохо получалось с китайским языком.

После обеда и чайной церемонии Цай Сию предложил Алисе прогуляться по деревне, на что она согласилась. Ей очень понравилась деревня Хуанган, и она часто гуляла по ней, тем более что никто не держал ее взаперти. Она могла свободно передвигаться как по дому, так и по деревне, и даже за ее пределами. Разумеется, за ней присматривал сам Цай Сию и его люди. Единственным ограничением было то, что она не могла покинуть Китай и не имела никаких средств связи, поэтому не могла связаться со своим отцом и сыном Целимиром. На прогулку с Алисой и Цай Сию присоединился Чжоу Сяо.

— Госпожа Алиса, прошу простить меня за мой вопрос, но я не могу не спросить: что вы намерены делать, когда вернётесь домой, в Санкт-Петербург? — обратился к ней Цай Сию.

— В первую очередь я бы хотела увидеть своего сына Целимира и папу, я очень по ним скучаю, а также хотела бы проведать свою дочку на кладбище. А потом нужно будет решить вопрос с мужем, правда, пока не знаю как, — ответила Алиса.

— Ясно. Но скажите мне, госпожа Алиса, станете ли вы в случае выяснения отношений с мужем обращаться в полицию и упоминать нас? — спросил Цай Сию.

Алиса на мгновение замерла от этого вопроса, не зная, как на него ответить.

— Когда всё случилось, мне было страшно, но не от угроз этих людей, а от неизвестности, что меня ждёт. У меня забрали все личные документы и всю технику, с помощью которой я могла хоть как-то связаться с близкими или кем-то, кто мог бы мне помочь. Первые три дня меня не выпускали из дома. Я злилась на то, что меня похитили и держат взаперти, не дают связаться с родными. Я кричала и ничего не ела, ни с кем не разговаривала, лишь требовала, чтобы меня отпустили и вернули все документы. Но никто из них не накричал на меня и ни разу не поднял руку. Мне каждый раз приносили еду с восхитительным ароматом, несмотря на то, что я отказывалась есть. Даже за это меня никто не ругал.

На третий день ко мне зашёл Цай Сию. Именно он рассказал всё, как произошло, и что во всём виноват мой муж, и именно он нанял их, чтобы взять меня в заложники и не выпускать из страны, и не давать связываться. Он сообщил, что я могу выходить на улицу и ходить куда мне захочется, ведь далеко без документов я никуда не денусь, да и за мной будут приглядывать. Он дал мне новую чистую одежду, ключ от дома, хотя я так и не поняла зачем. Назвал имена каждого мужчины, которые меня охраняли, сказал, что, если что, я могу к ним обратиться за помощью или если мне что-то понадобится, и просто общаться с ними. Так же он и Чжоу Сяо частенько заходили ко мне и просто беседовали. Со временем я начала поддерживать разговор. Все они были ко мне добры.

Когда я поняла, что задержусь здесь надолго и другого выхода нет, я решила воспользоваться моментом и углубиться в изучение китайского языка, попросив Цай Сию и Чжоу Сяо давать мне уроки по иероглифам. Они любезно согласились, и каждый из них по очереди показывал мне новый иероглиф, рассказывал о нём и объяснял, что мне делать. Люди обращались со мной как с важной гостьей и никак меня не обижали. Показали мне практически весь Китай, рассказывали различные истории.

И что мне теперь делать? Если я пойду в полицию, то о них точно узнают, и тогда их могут посадить, а я этого не хочу… — мысленно проговаривала Алиса, охваченная полным недоумением.

— Госпожа Алиса, не мучайтесь, не отвечайте на вопрос. Я знаю, что вы мудрая и сильная женщина, и поступите так, как должны поступить, — произнёс Цай Сию, заметив замешательство Алисы.

— Господин Цай Сию, позвольте, я хотел бы побеседовать с госпожой Алисой, — обратился Чжоу Сяо к Цай Сию, слегка поклонившись.

— Если сама Алиса того пожелает, — ответил Цай Сию, кивнув в знак одобрения.

— Госпожа Алиса, — проговорил Чжоу Сяо, протягивая ей руку.

Алиса лишь кивнула в знак согласия и вложила свою ладонь в его. Он повёл её за собой, глубже в деревню. В тот день в Хуангае проходила ярмарка, полная чудес и соблазнов. Чжоу Сяо хотел, чтобы перед отъездом Алиса смогла ненадолго отвлечься и насладиться красотой этих мест.

После ярмарки и грандиозного фейерверка, ставшего кульминацией праздника, вернувшись в дом, Цай Сию и Чжоу Сяо вернули Алисе все её вещи, добавив к ним щедрые подарки. Цай Сию вручил ей тетрадь с иероглифами и их описанием на английском, которую он лично подготовил, небольшой набор кистей, листы рисовой бумаги с её работами и запечатанный конверт, украшенный нежным изображением цветущей сакуры. Чжоу Сяо добавил от себя маленькую, искусно сделанную коробочку. Собрав все свои вещи, Цай Сию попрощался с Алисой, передав ей её собственность. Затем Чжоу Сяо предложил лично отвезти её в аэропорт и посадить на самолёт, летящий в Санкт-Петербург.

— Господин Чжоу Сяо, это та самая машина? — с ноткой тревоги спросила Алиса, вспомнив тот роковой день.

— Да, госпожа Алиса, — ответил Чжоу Сяо, открывая дверь. — Но в этот раз мы точно направимся к назначенному пункту назначения.

Усевшись в машину, они отправились в аэропорт. По прибытии Чжоу Сяо помог Алисе с багажом, а затем с покупкой билета. После прохождения контроля он ещё раз попрощался с ней, произнеся несколько тёплых слов и обняв на прощание. Дождавшись, когда самолёт Алисы поднимется в небо, Чжоу Сяо покинул аэропорт, ощущая лёгкую грусть. Внезапно зазвонил его телефон. Переключив на громкую связь, он ответил, продолжая вести машину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.